

Юлия
Зонис

«Тронул — ходи. Фигур нет.
только люди, боги и демоны.
Сразятся все. Ничьей не будет.
Отличная книга!»
Андрей Лазарчук

АТЛАНТ И ДЕМИУРТ

БОГИНЯ
ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Юлия Александровна Зонис
Атлант и Демиург.
Богиня жизни и любви
Серия «Дети богов. Фантастическая
проза Юлии Зонис»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73375633

Атлант и Демиург. Богиня жизни и любви / Юлия Зонис: АСТ; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-178730-1

Аннотация

Ты пересек границу миров. Ты пришел в Равнинный Храм на горе. Твое имя Андрас, и ты маркграф Бездны.

Ты потерял возлюбленную. Ты бог, но твои руки в крови, и родные тебя презирают. Твое имя Арес Эниалий, и твой дом – высокий Олимп.

Чем завершится ваша встреча, и кто из вас двоих окажется лучшим воителем Земли и Небес, достойным вывести в мир живых из преисподней Ее душу?

Автор берет нас в путешествие, где каждая страница – это шаг по краю пропасти между мирами. Где от твоего выбора, читатель, зависит, устоит ли хрупкий барьер, отделяющий наш

мир от того, что скрывается в пустоте. Это не просто книга. Это ключ. Сможешь ли ты им воспользоваться?

Вторая часть дилогии «Атлант и Демиург» Юлии Зонис, лауреата премий «РосКон», «Интерпресскон», «Филигрань», «Бронзовая Улитка» и др., написана на стыке мифологической фантастики и космооперы и расширяет авторскую мультивселенную «За плечом Ориона».

Содержание

Часть 1	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	79
Интерлюдия	90
Глава 7	95
Глава 8	110
Эпилог	130
Часть 2	134
Пролог	134
Глава 1	140
Глава 2	154
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Юлия Зонис

Атлант и Демиург.

Богиня жизни и любви

© Зонис Ю.А., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Серийное оформление – Василий Половцев.

* * *

Автор хочет выразить благодарность всем мифологиям мира, но в особенности мезоамериканской, монгольской, саяно-тюркской, шумеро-аккадской, греческой и скандинавской, а также Хорхе Луису Борхесу, Николаю Степановичу Гумилеву, Дж. Р. Р. Толкиену и авторам вселенной Warhammer 40K, восхитительному Георгию Зотову, чей в меру упитанный образ был использован (ну, слегка) при создании Мардука Пьещуха, лучшему из редакторов Алексею де Клемеше, лучшему из бета-ридеров Федору Лисицыну, лучшему из учителей Андрею Лазарчуку и лучшему и самому терпеливому из мужей Игорю Авильченко.

Часть 1

Защита крепости

Одиссей:

*Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.
Сладкими винами кубок твой полнится,
Тицетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных кудрей твоих длинные пряди.
Ты отдыхаешь под светлыми кущами,
Сердце безгневно, и взор твой лилеен
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле – телами убитых ахейн.
Каждое утро страдания новые...
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это наши надежды.*

Ахилл:

*Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.*

Н.С. Гумилев, «Ахилл и Одиссей»

Пролог

Мореход

Туманный Берег есть во всех мирах, говорил мне отец, а ему дед, а ему прадед. Если ты хоть раз вставал на защиту своего дома с оружием в руках, ты защищал его крепости. Если хоть раз ты поднимал оружие с целью завоевания, ты карабкался по его отвесным утесам, его смола лилась на твою голову, его стрелы звенели, забирая твою жизнь.

Пока существует Туманный Берег, вселенная хранит статус-кво. Чаши весов застыли в шатком равновесии. Всегда будут атакующие и обороняющиеся, но граница не рухнет, ни одной из сторон не достичь победы. Число жертв бесконечно. И лишь благодаря ему жизнь не угасает, мир, обреченный и хрупкий, застыл за шаг до гибели, но никогда не сделает этот шаг. Лишь благодаря ему бесконечные войны, кипящие в ирреальности – в пустоте Эа, в Эмпиреях, в Разломе Тысячи Звезд, в Бездне, Тартаре, Йотунхейме и Нараке, – не выплескиваются в обитель людей... Но и это не все. Я слышал от отца, а тот от деда, а тот от прадеда – если ты хоть раз стоял на соленых, окровавленных камнях, защищая Туманный Берег, то судьба может вновь призвать тебя на его защиту. Из любой дали, из любых времен, живым или мертвым.

Меня звали Адским Кормчим, меня звали Повелителем

Ветров, меня звали Избранником Моря. В одном из миров я даже был звездой. В одном я остался звездой, охраняя границу вечного мрака. Факт один: я всегда был вестником — беды или спасения.

Сейчас я тоже несу весть.

В лицо мне бьют соленые брызги, хотя это могут быть и метеоритные потоки. Суденышко мое треплут волны и границы гравитационных аномалий, его паруса наполнены северным ветром и солнечным ветром. Его кормило из дерева, из железа, из ультралегкого сплава, я правлю им с помощью мысли или силовых полей. Я называю его «Вингелот». «Цветок Моря» на одном из наречий Туманного Берега.

Я не был рожден там. Никто не рождается на Туманном Берегу, хотя многие умирают на стенах его крепостей и в волнах Моря Безмолвия на подступах к нему, на скалах, залитых кровью и испятнанных птичьим пометом.

Я несу весть о том, что граница с Мирами Смерти прована.

Вы знаете, почему Миры Смерти называются Мирами Смерти?

Потому что Туманного Берега там нет.

Глава 1

Что значит «чигиру»?

Костерок горел неверным синеватым огнем. Хотя нет, на сей раз пламя состояло из красных, оранжевых, желтых и голубоватых лепестков.

Гудвил открыл глаза и уставился на костер. На мгновение в его голове все смешалось. Ничего не изменилось, они снова очутились в Царстве Мертвых. Изменилось все, они сидят на берегу в Саутгемптоне, как несколько раз сидели с отцом и сестрами, и пекут на костре свежевывловленных мидий. Ему казалось, что он видит один костер и тысячи подобных костров, коридор пламени, уводящий в бесконечность. Потом картина прояснилась. Андрей – совсем как в ржавых землях – устроился у огня и жарил на импровизированном вертеле... Крысу???

– А, очухались, – сказал он глуховатым голосом, не оборачиваясь.

Зубы крысы, крупные и желтые, были мучительно оскалены. Гудвил содрогнулся, представив, что сейчас ему предложат это угощение. Его затошнило.

– Горазды вы спать.

Горло немилосердно болело. Но, кажется, только оно. Врач ощупал себя. Биопласта на нем не было. Ни повязок, ни раны, словно все это приснилось в вязком кошмаре. Он

быстро поднял голову и взглянул на небо, с ужасом ожидая увидеть все тот же оранжево-красный оттенок, без солнца и без звезд. Однако небо было серовато-синее, кобальтовое на востоке, как бывает через час после заката. И звезды на нем имелись. Чужие звезды. Они ничем не напоминали ни рисунок земных созвездий, ни то, что он видел последние дни на Опале. Ни красной точки звезды Лейтена, ни яркого пожара Сириуса, ни косматой туманности, которую местные называли Гривой Идала и которая затопила бы сейчас полнеба на западе... Хотя стоп. Туманность была, и, отсчитывая от нее, он нашел их все – и красный карлик GJ 273, и Росс 614, и Сириус, только не на востоке, где он должен был быть сейчас, а вовсе с другой стороны. Выглядело это так, словно ребенок, веселясь, расшвырял свои игрушки по полу или взрослый выкинул из мешка игральные кости, и они раскатились по столу в случайном порядке. Или гигантская дисторция, линза, нависшая над планетой или персонально над ними, искажала перспективу. Врачу стало не по себе, и он вернул взгляд к земле. Воздух свежел. Пахло золой, поскрипывал под пальцами нанесенный бурей песок.

– Где мы? – спросил он и закашлялся.

По горлу будто ножом резануло. Такие ощущения бывали у него только при ангине. Ангиной он первый и единственный раз болел в пять лет, напугав до чертиков мать и старших сестер. Уже вечером его вылечили, но испуг и память о горящем, как будто выпил слишком горячего чая или как

будто его укусила пчела, небе остались.

– На вашем месте я бы особенно не трепался, – сказал Варгас, снимая крысу с огня и внимательно изучая. – Мне пришлось влить вам в глотку кое-что не слишком приятное. Будет болеть пару дней.

– О чем... – прохрипел Гудвил.

И тут же все вспомнил.

Как человек с хрустальным взглядом бога сказал: «Решай». И какой необратимостью дохнуло от этого единственного слова. И как он хотел оглянуться на Варгаса, но так и не решился, потому что не желал знать, что там сейчас, в его глазах: ненависть, мольба или просто все тот же огонь. Как сделал шаг вперед, и еще шаг, навстречу несущемуся в лицо ветру и песку, не оборачиваясь и не видя, пошел ли за ним Варгас, и вообще ничего не видя, только переставляя ноги вперед и вперед, пока смутной завесой не забрезжил выход из ущелья. Как шагнул туда, и его тут же срубило резкой, невозможной болью. Как рухнул будто подкошенный и подумал, что умирает и что надо принять факт своей смерти очень быстро, потому что дольше пары секунд ему не протянуть.

Как внезапно ощутил во рту вкус железа. Как Варгас разжал его сомкнувшиеся в агонии челюсти мечом и как что-то влил ему в рот, что-то горячее, густое и черное, словно смола. Оно встало комом поперек горла, и тогда Варгас выкрикнул: «Глотайте же, идиот!»

И он с грехом пополам это проглотил.

Как адово пойло опалило пищевод и скатилось в желудок, как его скорчило в рвотном спазме, но Варгас зажал ему ладонью рот. А потом... потом он сам стал огнем. Языком пламени, пляшущим среди тысячи подобных языков. Как они перемигивались, вились, тянулись вверх, из бездны в другую бездну над ними. Огонь ревел и трещал, и ему слышались в этом реве слова, и он понимал их и сам повторял, повторял без конца. Пламя разгоралось все ярче. Оно наверняка спалило бы небеса, если бы Гудвил не отключился.

– Что это было? – просипел он, поднимаясь на локте. – Что вы мне споили?

– Хотите куй?

– Что-о?

– У меня на родине таких жарят на мангале. Считается деликатесом.

Варгас протянул ему крысу. Крыса, крупная для своей породы, оскалившаяся и мертвая, смотрела на Гудвила укоризненно, будто он был непосредственно виновен в ее гибели.

– Вы издеваетесь, Андрей? Или не Андрей? Как вас по-настоящему зовут?

– Сдались вам эти имена. Можете называть меня его сиятельством маркграфом Андрасом или Вороньим Принцем, если вам так приятней.

– Почему маркграфом? – выдавил Гудвил, окончательно и бесповоротно чувствуя себя дураком.

– Потому что это мой титул, – невозмутимо ответил Андрей-Андрас. – Демонов можно отнести к колониальным организмам, типа вольвокса. Рядовые бесы сливаются в великих демонов-баронов, а те – в маркграфов и герцогов Бездны. Так что каждый верховный демонический иерарх, по сути, просто колония разноуровневых огней.

Медик вспомнил пляшущие огоньки и внутренне содрогнулся.

– И вы...

– И я скормил вам мелкую часть себя, извините, других идей не было. Проще говоря, напоил своей кровью. Иначе вы бы окочурились прямо на пороге Мертвой Земли.

Отложив вертел, он поднял руку и, закатав рукав куртки, показал запекшуюся полоску на запястье. Гудвил сел и быстро ощупал лицо. Осмотрел руки. Ничего необычного, руки как руки, бледные, в грязи и песке, пять пальцев, когтей нет. Есть не очень чистые и отросшие за время скитаний ногти. Андрей наблюдал за ним с усмешкой. Крыса на вертеле тоже насмешливо скалилась.

– Не так сразу. Это происходит не мгновенно. Но вы почувствуете.

Медик с удовольствием придушил бы его за это снисхождение в голосе.

– Так вы всю дорогу знали? – с нарастающей злостью спросил он.

– Знал о чем?

– О том, кто вы такой. Все эти игры в тень смерти, Эрлика и прочее, все это притворство.

– Ничего я не знал, – покачал головой Андрей-Андрас. – Кое-что видел, когда был в коме. Кое о чем догадался. А вспомнил окончательно, когда погибли те горняки.

Злость набирала обороты, даже горло перестало ныть.

– «Погибли», отличная формулировка, – прошипел Гудвил. – Вы сделали это специально? Принесли их в жертву, чтобы одолеть Стража? Иамен был прав на ваш счет?

Андрей смотрел на него глазами-огнями, выражение которых сейчас невозможно было прочесть.

– Нет, не специально. Да, специально. Однозначного ответа не существует. Вы поймете потом.

– Как пойму?

– Когда вам захочется вылечить какого-нибудь неизлечимо больного бедолагу, Томас, – терпеливо пояснил он. – И вы, о чудо, вылечите его. А на следующий день от лихорадки сгорит его маленькая дочь, еще вчера абсолютно здоровая. Вот так и поймете. Есть будете?

Гудвил покачал головой, и маркграф Андрас, утратив к нему всякий интерес, впился зубами в жареную крысу.

* * *

К рассвету похолодало настолько, что у Гудвила зуб на зуб не попадал. К тому же он задыхался – то ли кислорода

в атмосфере тут было меньше, то ли они находились слишком высоко в горах. В единственном уцелевшем рюкзаке обнаружилась конская попона, и, завернувшись в нее, медик практически уселся задницей в костер, в остывающие багровые угли. Все равно было зябко. Варгас растянулся неподалеку на земле во весь свой невеликий рост. Лежал, пялился в небо, ковырял в зубах острой крысиной косточкой. На востоке ночная синь уже уступала место бледным рассветным краскам, над предгорьями горела яркая полоса цвета крыла зимородка.

– Где мы? – повторил Гудвил.

Андрей приподнялся и выплюнул кость.

– На Опале.

– Здесь другие звезды. Точнее, их расположение другое.

– Не нравится – исправьте.

Этого высказывания Гудвил не понял.

– Вы бывали здесь раньше? – растерянно спросил он.

Андрей сел и обхватил колени руками.

– Должен был. Как-то же я попал в Миры Смерти. Другого пути туда нет.

– Миры Смерти?

– Ваш мир, – усмехнулся он. – Ваша вселенная гнилого Мирового Ясеня и его чахлах отростков.

– А в вашем мире отростки, значит, не чахлах, – с неожиданным ядом выпалил Гудвил.

Варгас сдвинул брови к переносице и посерьезнел.

– Извините меня, Томас. Слушайте, давайте договоримся на берегу – в какую бы хрень я ни превратился, для вас я все равно тот же самый Андрей. Это так и есть... отчасти. Меня будет заносить время от времени, но вы не обращайтесь внимания. И еще я очень вам благодарен.

– За что?

– Вы спасли меня. Дважды. Потащились за мной сюда. А еще точнее – впереди меня. Это же вы открыли путь. Без вас он бы меня не выпустил.

Гудвил вгляделся в лицо Варгаса. Выражение этого лица было немного растерянным и немного виноватым... не так ему представлялись демоны. С другой стороны, шепнул ему мерзкий внутренний голосок, разве князей Ада не называют отцами лжи? Можно ли верить своим глазам, когда имеешь с ними дело? Да черт побери, ему-то откуда знать? Когда он вообще думал о демонах – не считая тех старых разговоров с Кальдеррой? И тут Гудвилу стало дико, невероятно смешно. Он расхохотался так громко и так неожиданно, что чуть не рухнул в кострище.

– Чего вы ржете? – почти обиженно спросил Андрей.

– Кальде... – задыхаясь, выдавил Гудвил. – Ой, не могу... Кальдерра был прав насчет вас. Старый стервятник с самого первого дня считал вас де...

Тут его обуял новый приступ веселости, он хохотал, качался и кашлял, пока Андрей не встал и не хлопнул его от души между лопаток, так что вся спина загудела.

– Демоном, – в конце концов выговорил он и смеяться перестал.

Андрей присел рядом.

– Он мне всегда нравился. Он очень умен. Хотя в демонах ни черта не смыслит.

– Так расскажите мне, – уже серьезно попросил Гудвил.

Переведя дух – от смеха все еще саднили ребра и диафрагма, – он повторил:

– Расскажите мне. Должен же я знать, во что вляпался.

– Я расскажу, – пообещал Варгас. – Но не сейчас.

– Почему не сейчас?

– Потому что мы не одни.

* * *

...И мы действительно были не одни. Рассвет миновал как миг – раскрылся, словно цветок в убыстренной съемке, затопил все небо малиновым и алым с примесью пепельной розы, отцвел, завял, осыпался и сгинул. Настал утомительно жаркий день. Мы спустились в пыльные предгорья. Здесь тоже были скалы, красные, и красная выжженная земля, присыпанная желтым песком. Землю расчертили пересохшие русла паводковых потоков. Скалы поднимались ступенями, их лица являли нам слои органической жизни за миллиарды лет. По крайней мере, на этом Опале тоже состоялась эволюция, и она была похожа на земную. А еще тут работали

КОММЫ.

Услышав слова Варгаса, я сразу попробовал включить свой и связаться со спутником и с дронами наблюдения. Никакой связи не было, однако сам комм активировался и принялся искать ИНКу. И даже что-то нащупал, однако подключиться не смог. Я указал на это Андрею (Андрасу), а тот только пожал плечами.

– Гудвил, успокойтесь уже. Это не ваш мир.

– Здесь еще не открыли квантовую связь?

Он обернулся и окинул меня все тем же неопределенным взглядом.

– Что, если я скажу следующее: в каждой ИНКе сидит ведьма и передает сигналы на Землю путем ударов в бубен и камлания? Или не ведьма, а святой старец, преклоняющий колена и читающий молитвы?

Я только плечами пожал.

– Еще неделю назад сказал бы, что вы спятили, а сейчас скажу, что все возможно.

Андрей поднял голову и взглянул на вершину утеса. Мне иногда чудилось в скалах движение, но, когда я фокусировал взгляд, все пропадало, оставались только прежние прокаленные солнцем камни. В вади – другого слова я не мог подобрать – росли чахлые ивы или что-то на них похожее. На дне некоторых пересохших русел остались лужицы воды или даже небольшие озерца. Время от времени над ущельями пролетала хищная птица, но никаких шонхоров я больше

не видел. Один раз заметил белую цаплю.

– За нами следуют с рассвета, – тихо сказал Варгас.

Я равнодушно оглядел скалы.

– Вы же маркграф Бездны, Андрей. Вас это не должно пугать.

Он заломил бровь.

– В вас проснулось чувство юмора? Хороший признак, значит, вы на пути к выздоровлению.

– Оно и не засыпало.

Рядом зашелестело, со склона посыпались мелкие камешки. Я вскинул голову – и снова ничего, только равнодушная высь и крест хищной птицы наверху.

* * *

Они появились ближе к закату. Небо зарябило, пошло бликами, словно озерная гладь. Это опять напоминало фата-моргану: в вышине чудились высокие замки на морском берегу, лижущий камни прибой, окрашенный кровью солнца. Андрей смотрел на все это со странным, почти болезненным выражением.

Мы устроили стоянку, хотя не устали. Ни я, ни, конечно же, он. Меня заметно лихорадило – должно быть, иммунная система пыталась справиться с демонической кровью. Я мысленно пожелал ей удачи, но в успех особо не верил. Впрочем, если меня не убил сразу цитокиновый шторм, то,

видимо, человеческий организм был более-менее совместим с кровью демона.

Доедали последние припасы, полоски сушеного мяса из даров Коба. Запивали застоявшейся солоноватой водой из небольшого озерца. На берегу даже темнели заросли камыша, у воды оказалось прохладней, чем в пропеченных солнцем ущельях.

Варгас начал разводить костер. Это ему удавалось легко, я все ожидал, когда он щелкнет пальцами и из указательного вырвется длинный язык пламени, или как там было в старых видах? Он наклонился к наваленному кучкой сушняку, и тут я снова почувствовал за спиной движение. Уже смеркалось. Каньон затопили серые сумерки. Когда я крутанулся на месте и уставился в сгущающийся сумрак, то поначалу ничего не заметил. А потом из теней проступили они. Фигуры в коричневых бурнусах, головы, покрытые капюшонами. Лиц их я не видел, но из-под капюшонов в нас упирались внимательные взгляды.

Я кашлянул и хрипло позвал:

– Андрей.

Он, даже не обернувшись, продолжил свое занятие.

– Андрей! – уже громче окликнул я.

Не то чтобы я сильно испугался – после всего пережитого страх как-то увял, потускнел и отошел на задний план, – но фигуры выглядели довольно зловеще и решительно нас окружали. Их было не меньше дюжины.

– Не кипешите, Гудвил, – отозвался мой спутник. – Это служители Равнинного Храма. Они за нами приглядывают, но не причинят зла.

Костер вспыхнул – опять я пропустил момент, когда Варгас наколдовывал огонь, – и тени рассыпались, отступили в сумерки за световым кругом.

– Что им надо?

– Они хотят, чтобы мы пошли с ними, – ответил Андрей, усаживаясь у огня в своей обычной позе – ноги поджаты, подбородок упирается в сцепленные руки.

Так он здорово напоминал химеру с крыши какого-нибудь готического храма. В небе над нами по-южному быстро разгорались крупные звезды. Завели свою песню цикады. Тень Варгаса упала на ступенчатый бок скалы, и сходство с химерой усилилось.

– И мы пойдем с ними? – спросил я.

– Пойдем.

– Почему?

– Потому что у них есть шонхор. Вы его видели там, на «изнанке».

Он неопределенно махнул рукой назад, в том направлении, откуда мы пришли.

– Шонхор. Хорошо. А что мы вообще будем тут делать?

Варгас обернулся ко мне, и его огненные глаза ярко блеснули.

– Насчет вас не знаю. А я намерен дождаться, пока себе-

ругутся мои легионы. А также планирую выяснить, какая хитро-рожная сволочь выследила меня в Мирах Смерти и отправила за мной Мунташи.

С минуту я переваривал это сообщение и вглядывался в темноту, но служители Равнинного Храма, мангасы, джинны или кем они там были, больше не проявляли себя.

– Вы говорите так, будто не хотели вернуться, – наконец выдавил я.

– Я хотел вернуться, – спустя пару секунд молчания ответил он. – Но мне не нравится, что меня к этому принудили.

У меня на языке так и вертелся вопрос насчет собирающихся легионов, однако тем вечером я его не задал.

Глава 2

Брейдаблик, Дион, Эмпирей – Башня Ворона, Нью-Вавилон, Земля – Горменгаст – Пламя Бездны

...В комнате беспорядок. Постель разворошена. Пахнет тяжелыми духами, фимиамом, смазкой и спермой. Кровать с высоким балдахином, потолок с лепниной, ряд статуй вдоль стен – все это могло быть когда-то красиво и даже величественно, но теперь испятнано, покрыто жирной свечной и факельной копотью и безобразно.

На постели лениво возятся трое. Обнаженный, рослый и очень широкоплечий юноша со слипшимися от пота темно-русыми волосами и две голые девицы – одна, светлокочая, перекинула ноги через бедра своего приятеля и дремлет, вторая, смуглая, восточного вида, пытается заплести ему волосы. Он раздраженно и сонно отмахивается. Спертый воздух недвижим, слышится жужжание одинокой мухи и треск пламени в больших бронзовых светильниках.

Дверь не распахивается, не слышится звук шагов, но в комнате проявляется некое новое присутствие. Сначала это просто тень, темный силуэт на фоне балдахина. Затем глаз улавливает блеск золотых доспехов, голову Медузы, прибитую к щиту, обоняние щекочет острый птичий запах, запах

совиных перьев. Та девица, что не спит, тихонько взвизгивает и прикрывает смятой простыней грудь с большими сосками.

– Прочь пошли, – тихо шипит фигура.

Две девки резво выбирают из месива покрывал и простыней и исчезают в сумраке. Юноша садится и недовольно щурится.

– А. Это ты. С чем пожаловала?

Голос у него низковатый и хриплый.

Воительница с головой совы присаживается на кровать. Щит и копье остаются лежать у нее в ногах. Она недовольно оглядывает помещение.

– Бальдр, малыш, – гортанно клекочет она, – до какой степени можно засрать дом?

– Это не мой дом.

– Тем более. Мои родственники приютили тебя и твою родню в Дионе, и что? Однорукий подсел на белену и грибы и всех задирает, обожравшись своего дурмана. Светлый Фрейр дуется в кости, а ты пьянствуешь и развратничаешь.

Юноша садится, опустив ноги на замусоренный пол.

– Это все потому, что у нас нет дома, Промахос. Вы-то ловко свили себе гнездышко в эфирных слоях Марса, а у нас зима Фимбул отняла все.

– Не все. Но кое-что.

– Так зачем пришла?

Он встает, ничуть не стесняясь своей наготы, подходит

к невысокому мраморному столику. Нашупывает кувшин, принюхивается.

– Могу угостить тебя кислым фалернским.

– Я не твоя шлюха, малыш, – говорит совиноголовая. – И уж точно пришла не за этим.

– Зачем же?

Он наливает себе вина в золотой кубок, кубок с искусной чеканкой, с ручкой, обвитой филигранно сделанными виноградными лозами, и, морщась, пьет.

– Ты говоришь, что вы все потеряли в зиме Фимбул.

– Это так. Иначе бы не сидели у вас тут приживалами.

– Я не могу вернуть тебе утерянное. Но, возможно, тебе выпал шанс отомстить.

Юноша по имени Бальдр оборачивается к ней и дурашливо воздевает кубок.

– За птичьи перья на моем ковре и долгожданную месть!

Допивает его залпом, дергая острым кадыком. Его тело, покрытое потом, чуть блестит в полумраке – или даже светится собственным приглушенным светом, тускловатым, но различимым.

Женщина на кровати поводит головой, и на месте лунообразного лика совы появляются точеные черты красавицы-эллинки. Правда, глаза остаются чуть выпуклыми, огромными и с золотистыми крапинками.

– Ну так что, ты расскажешь мне, Афина, кому именно я должен мстить и за что?

Женщина скидывает с кровати грязные простыни и укладывается прямо на лакированное дерево, благородный палисандр. Она вытягивает ноги и улыбается.

– Говорят, когда-то у тебя была прекрасная юная невеста, Бальдр. Что с ней стало?

Молодой великан, нахмурившись, ставит кубок на стол. Похоже, он волнуется – основание кубка громко стучит о мраморную столешницу.

– К чему это?

– Ее звали Фрейя, в честь солнцеликой богини, и она была из рода светлых альвов, ведь так? Я слышала, с ней случилось что-то очень плохое.

– Промахос, – уже с откровенной злостью говорит хозяин дома. – Либо говори прямо, либо угребывай отсюда.

– Кажется, эта рана еще болит?

Богиня улыбается, и улыбка ее равно сочтется ядом и медом.

Юноша оглядывается, снова сжимает кубок, как будто подумывает, не запустить ли им в гостью. Золото мнется в его руке, как бумага.

– Хромцу это не пришлось бы по вкусу, – мурлычет Афина.

– Ты будешь говорить?!

– Я все тебе расскажу, – все с той же ядовито-сладкой улыбкой произносит она. – Но прежде, мальчик, ты кое-что для меня сделаешь.

Она закидывает голову и раздвигает ноги, длинные и белые, как хитоны молчаливо выстроившихся вдоль стен статуй. На какое-то время мир для юноши становится темен и солон. А потом, после того, как все завершается, богиня упирается пальцами босой ноги ему в подбородок, запрокидывает лицо и глядит, свирепо, жадно, и разочарованно производит:

— Какой ты все-таки жалкий, Бальдр. Ты совсем не похож на него.

* * *

...В это же время ворон летит над крышами огромного, невероятно огромного города в совсем другом месте. В реальности, на Земле, над Нью-Вавилоном. Под его крылом проносятся шпили и башни, огромные зиккураты святилищ и храмов Бельфегора и Астарота/Астарты, трубы тысяч заводов, котельных и фабрик, десятки тысяч развязок и мостов. В этом полушарии сейчас царит ночь. Город раскинулся на неисчислимое множество *лару* во все стороны и с орбиты кажется ожерельем огней, но ворон летит куда ниже. Ему видно пламя, вырывающееся из фабрик-кузниц. Его слабое обоняние улавливает зловоние городских каналов и запах крови, фимиама и дыма, тяжелую вонь мазута. Он слышит скрежет и лязг многочисленных механизмов, музыку из домов увеселений и питейных заведений, гудение машин, барж и

сухогрузов на черной полноводной реке, он различает, как движутся в сумраке портовые краны и железнодорожные составы. Этот город похож на гигантский часовой механизм из камня, меди, латуни и бронзы, он грохочет, он состоит из множества деталей и слоев, он возносится в небо на сотни *бер* и уходит в глубину почвы и лежащей под ней породы. Он опоясан тончайшими столбиками орбитальных лифтов. Космические платформы – его корона, его существование зависит от миллионов механизмов и десятков миллионов живых душ, сваи его титанических конструкций дырявят базальт, и каменная туша материка оседает под его тяжестью.

На востоке разгорается заря. Ворон спешит, он хочет успеть до света. Он приближается к башне, стоящей чуть особняком. Пригороды, и ровные квадраты многоэтажных новостроек, и грибные россыпи трущоб, наслаивающихся друг на друга, стараются держаться подальше от этого здания. Они загораживаются кладбищами машин, многоэтажными паркингами, площадками для игры в мяч и для командных состязаний, зарослями сорняков и заборами с колючей проволокой. Башня стоит на скале. Она не довлеет над городом – просто потому, что невозможно долеть над чем-то настолько гигантским, – и все же ее присутствие ощутимо. В ее стенах нет окон, лишь одна обзорная площадка ближе к плоской, увенчанной каменными зубцами крыше. Ее ворота выше уровня городских стен, и ведущая к ним дорога вьется серпантином вдоль тела скалы. На дороге пусто. Ее не

освещают фонари или факелы. Оттуда, где сейчас находится ворон, башня кажется гигантским доисторическим моллюском, чертовым пальцем, торчащим из городских кварталов и укоризненно грозящим небесам.

Ворон подлетает к обзорной площадке башни... и исчезает.

* * *

– Фальварк.

Человек средних лет, сидящий в комнате, встает, чтобы приветствовать гостя. В лице человека чудится что-то восточное, хотя в целом невозможно определить его расу или национальность. На нем просторное черное одеяние, голова его покрыта *джаманой*, и его имя Ас-Саббах ничего не значит, кроме титула, который он носит в этой башне.

В комнате горят желтые масляные светильники, но это тоже скорее дань традиции, чем необходимость. В башню уже много сотен лет как проведено электричество.

Вошедший обликом невзрачен. На нем такое же черное одеяние, правда, без куфии, и его темные без седины волосы ничем не покрыты. На вид ему между тридцатью и сорока, он среднего роста, и черты его лица, на первый взгляд примечательные и резкие, почти мгновенно стираются из памяти, стоит отвести взгляд.

Хозяин башни разводит руки, возможно, чтобы обнять

пришедшего, а возможно, и затем, чтобы показать, что в них нет оружия. В любом случае гость останавливается в трех шагах от его кресла.

– Ты прибыл с орбиты, – не спрашивает, а констатирует хозяин.

– Я был на Марсе.

– Говорят, там снова готовятся к войне.

– Их боги всегда беспокойны, *сайдах*.

– Но ты прибыл не за этим.

– Не за этим.

– Ты прибыл, чтобы принять заказ, который поступил к нам вчера.

Ас-Саббах снова не спрашивает.

– Ты же знаешь, Гураб, как мы относимся к конфликту интересов.

Странно услышать эти слова из уст хозяина башни, но говорит он именно это.

– Вы не найдете лучшего исполнителя, – отвечает тот, кого называли Гурабом.

– Не найдем, но не найдем и худшего. Все решит Совет.

Гураб подходит ко второму креслу, стоящему в зале, – или, точнее, к невысокой деревянной оттоманке. Присаживается. Вытягивает ноги. Он выглядит усталым, что неудивительно, учитывая, какой он проделал путь. Ас-Саббах тоже садится и пристально глядит на него сквозь полумрак комнаты.

– Откуда ты узнал про заказ?

Гураб чуть заметно пожимает плечами.

– Эмпиреи беспокойны. Мореход причалил к Небесной Гавани. В храме Иштар сегодня особенно яркие огни.

– Ты знаешь, что за одно это имя в городе карают смертью.

– Я многое знаю.

– А я знаю, что ты уже двадцать веков мечтаешь прикончить его. И знаю твое настоящее имя, и знаю, как звали твою сестру. Полагаешь, этого не знает Совет?

– От кого поступил заказ?

Ас-Саббах слабо улыбается.

– Ты дерзок. Здесь, в Башне Ворона, кровь не так уж важна. Нет разницы между перворожденными и возрожденными, Гураб, если ты понимаешь, о чем я. Или мне лучше называть тебя Амротом?

Сидящий на оттоманке заметно вздрагивает и тихо проносит:

– Ты знаешь, *сайдах*, что я отказался от этого имени больше тысячи лет назад.

– Пусть так, но ты не отказался от мести. А месть плохой наставник и еще худший помощник.

– Помоги мне.

Сидящий поднимает взгляд и смотрит прямо в лицо хозяину башни. Впервые маска равнодушия слетает с его лица.

– Помоги. Я служил Башне Ворона, верно и не задавая вопросов, уже много сотен лет. Я ничего не попросил для

себя. Я в курсе, сколько весит твой голос в Совете...

Улыбка стирается с лица Ас-Саббаха.

— Башня Ассасинов не выносит просящих. Ты осознаешь, как смешон? Мне стыдно за тебя и стыдно, что тебя считают моим учеником.

Лицо Гураба Фальварка, ассасина Башни Воронов, камнеет.

— Что ж, считай, что ты этого не слышал, *сайдех*.

Он стремительно встает и выходит из зала, хотя выхода нет — лишь каменная неоштукатуренная стена с грубой кладкой. Ас-Саббах подносит руку к усам и чуть заметно усмехается, но его усмешка исчезает так же быстро, как и появилась.

* * *

...Это место отвратительно. Его стены сочатся гноем. По ним ползают полчища мух, мухи клубами висят в воздухе, нет спасения от их басовитого жужжания. Под ногами чавкает, будто ступаешь по сырому мясу. Воина в перизоме и поножах это, впрочем, не смущает. Не смущает даже при том, что на нем нет никакой другой одежды. Впрочем, отчасти он прав — любая ткань навсегда провоняла бы тухлятиной и болезнью, стоит пробыть здесь всего пару минут, если происхождение этой ткани недостаточно божественно.

Владелец мерзостного замка восседает на гигантской жа-

бе или змее, допустим, жабогадюке. Две ведьмы далеко не привлекательной наружности омывают его ноги кровью из золоченого таза. Стоит добавить, что вместо ступней у него копыта, а демоническая рожа – в струпьях, с вывернутыми ноздрями и гноящимися глазами – чуть ли не отвратительней всех его владений.

– В храме Астарота/Астарты сегодня особенно ярки огни, – произносит поджарый воитель.

Он оглядывается, словно ищет, куда бы присесть, не находит ничего подходящего и остается стоять.

– Даже не упоминай эту старую прошмандовку, – клекочет демон.

Не будем скрывать, что зовут его Вельзевул, Мушиный Король, и он третий и последний из Великой Троицы герцогов Бездны, хотя сам себя последним отнюдь не считает. Зато таковым его считают другие, и мнение этих других его уязвляет.

– Шлюха может сколько угодно называть себя Астаротом и герцогом, но мы-то знаем, что она приползла с вавилонской помойки и не раздвигала ноги только перед ленивым.

– Если бы тебя слышал сейчас мой давний приятель Аби-гор, – хмыкает воин, почесывая курчавую рыжеватую бородку, – он вогнал бы эти слова копьем тебе в глотку.

Воитель, правда, умалчивает о том, что и сам бы не прочь вогнать копье в глотку Вельзевулу за такие слова, но в глазах его разгораются нехорошие зеленые огоньки.

– Пусть присунет свое копьё кому-нибудь другому, например собственному папаше, – рычит Вельзевул. – Сраное выродившееся племя. Только младшенький чего-то стоил, да и тот вшивый полукровка.

– Кстати о нем, – говорит воин.

Вельзевул выпрямляется, опрокидывая таз. Жабогадюка под ним жалобно крикает.

– Пошли прочь, криворукие бабы, – орет он ведьмам, и те в страхе убегают.

Воитель, чье имя Арес, наблюдает за беснованиями демона безо всякого смущения. Он частый гость в Горменгасте, хотя об этом не знают ни его отец, ни сестра. В курсе лишь супруга, но та, как ни странно, умеет хранить молчание, если это в ее интересах.

– Что о нем? – продолжает вопить Вельзевул. – Он же давно сгинул.

Мухи надсадно жужжат, словно пытаются заглушить вопли хозяина.

– Он вернулся, – спокойно отвечает Арес.

– Вернулся? Разве папаша его не угробил? Вот так новости!

Хозяин покоев хлопает себя по жирным ляжкам, раздавив пару дюжин насекомых, и заходится визгливым смехом.

– Ты лучше меня знаешь, о гнуснейший, что в Бездне никого угробить нельзя и уж тем более одного из высших ее князей, – усмехается воин. – Неужели Бельфегор навешал

италийской лапши тебе на уши?

Хозяин покоев нерешительно трогает волосатое ухо, словно действительно ожидает нащупать там гирлянды из лапши.

– Он вернулся, – продолжает Арес. – Чем многие недовольны. Говорят, в Башню Ворона уже поступил заказ, а моя сестричка успела сбегать к тупоумному Бальдру...

– Хочешь сказать, его попытаются убить до того, как он соберет легионы?

– Несомненно, – кивает воин. – Несомненно, попытаются. И очень желательно это предотвратить.

Вельзевул чешет лоб, содрав пару струпьев и раздавив несколько гнойных бубонов.

– Да, тут ты прав, Эниалий. Кстати, дурацкое прозвище, не находишь? Тебя в детстве, случаем, не дразнили Анали-ем?

Если это и злит воина, то вида он не подает, и чеканно-красивое лицо остается невозмутимым. Только вот эти звериные огоньки в глазах...

– С другой стороны, – тянет демон, дергая себя за ухо, – мы не знаем, что он намерен делать и куда поведет легионы.

– Мы не знаем, – эхом отзывается Арес, – но мы можем это узнать. А точнее, сделать так, чтобы он повел их туда, куда нужно. Ты ведь, кажется, не в ладах с Бельфегором?

– Тебе-то какое дело до моих терок с братом? – сопит Мушиный Король.

– Никакого, – пожимает плечами воитель. – Так просто,

застоялся я без хорошей драчки. Хотелось бы размяться.

* * *

– ...Огни в храме моей матери сегодня особенно яркие, – говорит тот, кто занимал место по правую руку от Бельфегора.

Сейчас он избавился от шипастого церемониального шлема, нагрудника и латных перчаток. На нем свободного кроя рубаха. Он стоит у стрельчатого окна в своих покоях в замке Пламя Бездны. В отличие от нарочито роскошных залов внизу эти комнаты просты, почти аскетичны – в них нет ничего лишнего и ничего такого, о чем придется жалеть, потеряв.

За окном открывается вид на все слои ирреальности, на текущие болотные огни, на непроглядный мрак, на переливы сумасшедших красок, на пламя цвета вина и крови, на рассвет в холодных северных горах. Сейчас воин смотрит на Нью-Вавилон, на храм Астарота/Астарты, видимый отсюда примерно с высоты птичьего полета. В Нью-Вавилоне давно наступила ночь. На плоской крыше храма действительно пылают гигантские семисвечники, и кровь стекает по ступеням из черного кварца.

– Ты же знаешь, Абигор, – мягко отвечают ему из-за спины, – что Астарот содрал бы кожу с твоего смазливового личика, услышь, как ты называешь его матерью.

Воин оборачивается. Он действительно слишком хорош для демона. Говоря откровенно, он был бы слишком хорош для человека, бога, альва или даже ангела, если бы ангелы существовали в этом мире.

– Ее тут нет, – отвечает он отцу. – Нет последние две тысячи лет, и, полагаю, в немалой степени из-за тебя и твоих любовных походов.

Бельфегор усмехается, как могла бы усмехаться змея.

– Кажется, ты пытаешься уязвить меня, сынок?

– Нет, – качает головой Абигор. – Если я что-то хочу сказать, то говорю прямо. Так вот, я прямо говорю: мне не нравится твоя затея, и добром она не кончится.

Великий герцог заламывает бровь, становясь немного похожим на фаустовского Мефистофеля.

– И на твои сегодняшние речи, конечно, никак не влияет тот факт, что он поклялся тебя прикончить?

Абигор пожимает плечами.

– Я невиновен перед ним.

– Интересно, – все с той же змеиной улыбкой говорит его отец, – как ты это докажешь. Или полагаешь, что возьмешь над ним верх в поединке? А потом, опустив меч, милостиво промолвишь: «Давай обнимемся, братец, ведь это вовсе не я заманил тебя в ловушку, а наш коварный и вероломный отец». Как думаешь, на каком из этих слов он вырвет твой язык и скормит своим воронам?

Абигор снова переводит взгляд на город за окном, город,

отделенный от Пламени Бездны расстоянием в тысячи парсеков и десятки слоев реальности, город, находящийся всего в двух шагах.

— Темная Пифия предрекла, что он уничтожит тебя и Бездну, — произносит он. — И ты не нашел ничего лучшего, как поглотить его мать. Дурное подражание олимпийцу, и сколько бед оно уже принесло.

— По крайней мере, я не рожал его из головы и не страдаю от этого мозговым параличом, — хмыкает великий герцог.

Он подходит к простому креслу из дерева, с высокой резной спинкой, и усаживается, перекинув ногу за ногу.

— И насчет подражания олимпийцам я бы на твоём месте тоже не разорялся. Как там поживает твой сладчайший дружок Арес? Вы нынче шпилитесь или сделали перерыв в отношениях?

Абигор не оборачивается, но плечи его напряжены. Великий герцог удовлетворенно ухмыляется.

— Всегда говорил, что ты пошел в свою шлюшку-мать.

Крутанувшись на месте, молодой красавец яростно глядит на отца. Его глаза, обычно похожие на звездное небо безоблачной ночью, горят сейчас недобрым огнем.

— Еще одно слово...

— И что? — перебивает его Бельфегор.

Поразмыслив, он скручивает из пальцев дулю и тычет ею в сторону сына и наследника.

— Ты пронзишь меня копьем? О все оттенки Бездны, давай

же, давай... Соверши хоть какой-то поступок, иначе мне все-таки придется отписать дворец твоему младшему братику.

Абигор кривит совершенной формы губы и молчит. Бельфегор кивает сам себе.

– Так я и думал. И послушай, не тешь себя напрасными измышлениями. Я, конечно, пожрал Яфит, но вовсе не потому, что боялся ее будущего отродья. Просто в тот момент мы славно кувыркались в постели, а в спальню зашел Астарот, и я не придумал ничего лучшего. Так уж получилось...

– Избавь меня от своих гнусных откровений.

– Почему же? Старый папочка желает исповедаться в грехах юности, – паясничая, восклицает Бельфегор. – Так что послушай. Мальчишка вернулся из Миров Смерти. Я-то полагал, что он сгинул и никакой пользы от него больше не будет, но он вернулся и пользу еще принесет. Я уничтожу олимпийцев и их жалких прихвостней, Абигор, и ты мне в этом поможешь – иначе судьба Андруса покажется тебе беззаботной прогулкой по цветущим садам Элизиума.

Глава 3

Равнинный Храм

Если у меня и оставались иллюзии насчет того, что легионы – это какая-то метафора, попытка объяснить очередное не поддающееся осмыслению явление, то довольно скоро я их лишился. Легионы были легионами, в каждом – десять тысяч разноранговых бесов, от рядовых до легатов, и все они подчинялись Андрею. Точнее, они были его частью, как теперь – вынужден признаться – в большой мере и я сам. Еще точнее, он состоял из этих легионов, так что «собраться» в данном случае буквально значило – собраться воедино. Вообще мне следует избавиться от такого ненужного и тормозящего работу рассудка качества, как изумление. Я изумлен. Я крайне обескуражен. Я поставлен в тупик. Что вообще это должно означать? Еще несколько недель назад, если бы мне сказали, что вон тот старик вчера был камнем, а завтра станет рыбой и будет летать по небу, я бы отправил утверждающего это человека к психиатру. Сегодня бы просто пожал плечами. Это не значит, что вселенная маркграфа Андраса лишена порядка и в ней царят безумие и хаос. В каком-то смысле она намного более упорядочена, чем наша. Но не буду слишком забегать вперед.

Начнем с Храма. Он называется Равнинным, хотя расположен в горах. По сути, он и есть красноватая гора из кроша-

щейся сухой породы, изъеденная пещерами, переходами и залами. Залы пахнут сандалом и ладаном, хотя в этой земле нет ни ладана, ни сандала, и травы, тлеющие в бронзовых курильницах, мне незнакомы. Коридоры сплетаются, разветвляются, отходят в стороны и вниз под разными углами, и везде этот одинаковый камень цвета обожженной глины. Не запутаться в лабиринте нельзя, но, запутавшись, нельзя не найти выход, потому что все переходы ведут только туда, куда тебе нужно попасть.

Сейчас мне, похоже, нужно попасть на верхнюю наблюдательную площадку. Я поднимаюсь по истершимся за тысячелетия ступеням, то ли искусственного, то ли природного происхождения, и, пригнув голову, вхожу в узкую арку проема. Из арки бьет свет. Это хорошо. За аркой находится одна из обзорных площадок, и в последние дни я полюбил встречать здесь рассветы. Я не поклонник ранних пробуждений, никогда им не был, но сейчас мое поведение объяснить очень просто – ни в каком мире, ни в каком чудесном сне или даже галлюцинации я не видел рассветов подобной, уникальной красоты. Небо изгибается над моей головой, как огромный пузырь всех цветов побежалости, и краски сменяют друг друга ежесекундно: золото, медь, янтарь, бронза, киноварь, сапфир и изумруд, кровь, мед, винный камень и черный как ночь бархат, и такие цвета, названий которым нет в человеческих языках. Не все рассветы тут так прекрасны, но подобное случается часто. Андрей объяснил мне, что это

определяется близостью к Бездне и Эмпиреям. Чем ближе, тем диковинней краски, а Храм, хоть и является нейтральной землей, расположен к ним достаточно близко. Бездна и Эмпирей, два Великих Аттрактора этой... вселенной, реальности, этих измерений? Все устремляется к ним. Услышав это, я тут же задумался, а не происходит ли что-то похожее и в нашем мире, но в результате своих размышлений заработал только головную боль.

Теперь о Храме. Как я уже говорил, Равнинный Храм – нейтральная земля. И демоны, и боги (и, конечно же, обычные смертные) могут вступить на его территорию, но не могут развязывать на ней войны. Насилие здесь нельзя совершить чисто физически. Поначалу я думал, это потому, что в Храме не работает никакая магия, кроме магии этого места (неправильно называть естественные законы здешнего мира, применимые к сверхчеловеческим существам, магией, но я пока не могу подобрать лучшего слова), однако вскоре понял, что это не так.

Служители Храма практически незаметны. Сперва мне казалось, что он населен призраками, видимыми только в сумерках, этими фигурами в широких арабских плащах с капюшонами, которые то появляются, то исчезают снова, когда идешь по его коридорам, и зажигают светильники, и снабжают нас водой и пищей, но стараются минимизировать общение и свое присутствие. Оказалось, что и тут я ошибался. Мы были не единственными беглецами, нашедшими здесь

убежище, потому что на второй или на третий день я увидел детей.

В то утро мне показалось, что я заблудился. Я шел на наблюдательную площадку полюбоваться рассветом и поговорить, если получится, с Андреем — он тоже появлялся там довольно часто, для встреч с шонхором и для наблюдения за собственным войском, устроившим сбор в долине. Внизу теперь горят костры, пестреют палатки, то тут, то там выстраиваются ровные черные четырехугольники, и кипит какая-то своя сосредоточенная жизнь. Когда я впервые увидел их, то спросил Варгаса, не желает ли он присоединиться к бесовским легионам. Тот пожал плечами и заявил, что непременно сделает это, но позже, а пока они отлично справляются и без него. Я задал вопрос, а как они вообще узнали о возвращении хозяина, что изрядно его посмешило. Сейчас мне самому смешно. Откуда вы знаете, что у вас вновь начало биться сердце? Откуда понимаете, что вчера еще были мертвы, что вас вообще никогда не существовало, а сегодня живы? Вот оттуда. Я сам тянулся к нему, как железная стружка к магниту или как капля масла в супе сливается с другими каплями, образуя одно большое пятно. Я находил его почти всегда, когда он хотел быть найденным, и мы говорили — под золотыми, смарагдовыми и алыми, под черными и фиолетовыми рассветами этого мира.

Итак, я поднимался на свой скальный карниз, но, как показалось мне, заблудился. Я битых часа два петлял по кори-

дорам, переходам и лестницам, то вверх, то вниз, то в сплошной толще горы, то выходя на участки, где сверху открывалось небо и били отвесные столбы солнечного света. А потом я вышел... лучше всего называть это детской площадкой. В скале напротив того места, где я стоял, открывалось большое округлое отверстие, то ли ход, то ли лаз. Вниз вел узкий каменный желоб, обрывавшийся в пустоту, и лишь ярдах в пяти под ним был покрытый песком ровный пяточок, выемка в теле утеса. Поначалу я услышал смех. Детский смех. Решив, что схожу с ума и у меня слуховые галлюцинации, я все же поспешил на звук и, свернув за очередной угол, увидел детей. С моей стороны был высокий проем, в рост человека, под ним резкий обрыв и вид на эту площадку и желоб. По желобу скатывались дети. Все как на подбор тощие, чумадые и оборванные, в каких-то гнусных обносках, но чрезвычайно веселые. В первую секунду я замер, а потом заорал по-английски: «Прекратите, вы разобьетесь!» Уж конечно, по всем законам физики они должны были разбиться, рухнув на камни и песок с высоты двухэтажного дома. Но потом я присмотрелся и отвесил челюсть. Пролетев по желобу, дети на пару секунд зависали в пустоте под ним, а потом легко и плавно, как осенние листья, планировали на песчаный пяточок. Будто они ничего не весили или будто законы гравитации здесь были нарушены (я сам, кстати, так и не решился проверить, да и задница моя, не то чтобы слишком упитанная, не влезла бы в эту странную горку). Увидев меня и

услышав крик, дети порскнули во все стороны и мгновенно исчезли. Но потом я не раз возвращался туда, и мы подружались – ведь любопытство в малышах сильнее страха. Взрослых, их родителей, я так ни разу и не встретил, хотя они были где-то здесь, люди и, возможно, нелюди, жертвы войн и стихийных бедствий, все, кто искал и находил убежище в Равнинном Храме.

В это же время я начал постигать основы... не нахожу другого слова, пусть будет «магия». И одно связано с другим.

На следующий день я снова пришел туда. Все равно мне нечего было делать – снаружи царила невыносимая дневная жара, воздух над горами дрожал и плавился, а Варгас, по обыкновению, парил в небе с шонхором и меня с собой не приглашал. Я прихватил с собой сладости, что-то вроде сушеного инжира и фиников, которыми нас здесь потчевали как особо почетных гостей. Дети боялись уже меньше. С грехом пополам я сполз по скале на песчаную площадку, и они окружили меня, загомонили, стали трогать мою одежду. Их языка я не понимал, и психических способностей мне не хватало – очень сложно читать мысли маленьких детей, даже в нашем привычном мире. Я раздал угощения и попытался их осмотреть, потому что многие выглядели нездоровыми. Почти все грязные, истощенные, некоторые со следами болезней, химическими и радиоактивными ожогами, некоторые с ранними признаками рахита и хронических кишечных инфекций. Больше всего им нужна была еда, уход и особенно

витамины, но все свои я раздал еще на Опале.

Тем вечером я посетовал на это Варгасу. Мы жили в трех комнатах, высеченных природой или людьми прямо в скале, две спальни и одна общая, вроде столовой. Тут имелись даже примитивные удобства (маленькая комнатуха с дыркой в полу) и купель для омовений, в которой неведомо как дважды в день появлялась довольно прохладная вода. Никакой мебели, только каменные лежанки и выступы, миски и кувшины медной чеканки, все те же бронзовые светильники и старые, истоптанные ковры на полу, ковры чудной работы, может, даже шелковые. Я пытался разобрать, что изображено в их узорах. Мне чудились замки, и воители, и молитвенные шествия, и святые, но, когда я вглядывался внимательно, все рассыпалось на отдельные абстрактные завитки.

Вернемся к витаминам и детям. Услышав мою жалобу на то, что детям не хватает витаминных комплексов, Варгас взглянул на меня скептически – насколько скептическим вообще может быть взгляд глаз, равномерно сияющих пожарным пламенем, – и хмыкнул.

– Томас, вы все еще мыслите старыми категориями. Нужны вам витамины – ну так добудьте витамины. Вы же теперь мой миньон, попросту мелкий бес. Вы можете это сделать.

Я с традиционным недоумением уставился на него.

– Как? Как я могу это сделать? Смотраться через «изнанку» в ближайшую аптеку, до которой даже с Опала десятков световых лет?

Однако мой юмор просвистел мимо цели.

Он поднял с пола рюкзак и протянул мне. Мой почти опустевший походный саквояж для лекарств и инструментов мы выкинули еще в ржавых землях, о чем я сейчас сильно жалел. Куда ни кинь, а медицина нужна повсеместно.

– Вытащите отсюда, – невозмутимо предложил он.

– Как? – горестно возопил я.

– Ну, вот так.

Он сунул руку в рюкзак, порылся там пару секунд и вытащил на свет здоровенную пластиковую банку с витаминными мишками вроде тех, что продавались в сетевых маркетах и аптеках моего (и, видимо, его) детства. Я воззрился на эту банку так, как не пялился ни на пустынников из Храма, ни на дьявольские легионы у его подножия.

– Просто найдите, что она там есть, – заявил он.

Примерно таков был мой первый и единственный пока урок магии от маркграфа Андраса, князя Бездны.

Всучив мне рюкзак, он направился к выходу. А я остался стоять, как дурак, сжимая в руке бесценную упаковку витаминов и бесполезную – как мне тогда подумалось – сумку. Какое-то время я так и стоял, а потом запихнул пятерню в рюкзак, отчетливо представив, что там лежит стеклянная банка с персиковым компотом. Почему стеклянная? Почему компот? Может, потому что несколько таких стояло в бабушкином старинном буфете, и, когда бабушка еще была жива, она пекла чудный пирог с консервированными персиками.

Мои пальцы безнадежно шарили внутри рюкзака, нащупывая одежду, крепления для палатки, забытый чехол от спального... и вдруг наткнулись на гладкое, прохладное стекло.

Тем вечером я извлек из ниоткуда десять упаковок мультивитаминов, несколько пачек антибиотиков, свой детский складной нож, банку с маленькими маринованными луковичками и рисовый пудинг, который размазался по всему содержимому рюкзака. А через час рухнул без сил и без памяти прямо на узорчатый ковер.

Явившийся к утру Варгас дотащил меня до кровати, отвесил несколько звонких пощечин, напоил горькой бурдой, которую нам подавали вместо чая и кофе, скормил пару фиников и изволил пояснить, что ничто в этом мире, как и в нашем, не дается даром.

– Вы потратили силы, Томас, и ничем их не восполнили. Еще немного, и развоплотились бы к чертям.

Учитель из него был крайне хреновый. Смерив его злобным взглядом, я прошипел:

– Могли бы и предупредить.

– Я предупреждал. Помните? Если вам однажды захочется исцелить неизлечимо больного...

– Выражались бы яснее, – перебил его я. – И что вы предлагаете, принести себе в жертву маленькую девочку для восполнения запасов маны? Как вы с теми шахтерами?

– Можете начать с мелких грызунов, – сухо предложил он. – Чем разумней, тем лучше. Говорят, тут неподалеку есть

колония особенно сообразительных сурков.

Ну и что такому отвечать? Зато дети были довольны. И мармеладными витаминками, и персиками, и даже маринованным луком, хотя несколько луковиц я все же съел сам, под неодобрительным взглядом Андрея. Видимо, в Эквадоре лакомством считаются только жаренные на костре крысы. Только потом я подумал, что понятия не имею, как пищеварительная система и в целом организм этих детей, может, и совсем не человеческих, отнесется к моим угощениям, и испугался... Но организмам, видимо, все понравилось, потому что на следующий день дети окружили меня толпой и все растащили, их мордашки восторженно сияли из-под слоя грязи, а я начал задумываться, не принести ли в жертву какого-нибудь смышленного дамана или сурка...

Глава 4

Гураб Фальварк из Башни Ворона

Его всегда, или по крайней мере уже очень долго, интересовало, почему Паук. Ворон, Воробей, Цапля, сгинувший ныне Сокол – и вдруг Паук. Он даже как-то раз спросил Ас-Саббаха, которого в былые дни называл наставником. Ас-Саббах протянул его ножами по спине, и с тех пор Гураб, также известный как Амрот Прекраснокудрый, принц Ард-Анора, лишних вопросов не задавал. Прекрасные кудри его со временем потемнели и стали жесткими, посмуглела кожа, и он научился менять обличья, как и всякий служитель Башни Ворона, но недоумение насчет Паука так и осталось.

В центральном зале Башни было холодно, как в могиле. Под потолком, невозможно высоким – намного выше, чем могло представиться снаружи, – курился туман и слышалось приглушенное воронье карканье. Вороны расселись на стропилах и балках, и весь пол внизу, вымощенный каменными плитами, был засыпан их пометом. По стенам горели факелы, не освещая почти ничего, но ассасинам Башен много света не требуется.

Деревянные скамьи амфитеатром спускались к центральной округлой площадке-арене. На этой арене проводились испытания новичков и гладиаторские бои, чего только не видели ее камни, какую кровь не впитали. Сейчас в зале было

немноголюдно, если, конечно, считать только живых – потому что Безликих, стоящих за их спинами, сосчитать было сложно, но именно они и нагоняли могильный холод. Вершители Судеб заняли верхний ряд скамей. Гураб и еще двое, скрытых вороньими масками, стояли внизу на площадке. Он узнал Оркрису и Шивона, узнал по чуть различимым деталям поз, по наклону голов, потому что церемониальные мантии скрывали все остальное. Оба принадлежали к его Башне. Ворон-ассасин против Вороньего Принца, в этом есть особая красота, которую наверняка принял в расчет их анонимный заказчик.

Говорил Вершитель в костяной маске Паука, магистр одноименной Башни. Также присутствовала и Цапля, в традиционном белом одеянии, и серый неприметный Воробей. И конечно, черной птицей вырисовывался меж ними Ас-Саббах, тоже в клановой маске.

Голос у Паука был шепелявый и скрипучий, будто речи мешали свободно литься щетина и жвалы – хотя у человека под маской, разумеется, не было никаких жвал.

– Мы должны порасмыслить, – шипел Паук. – Не спешит принимать поспешного решения.

Гураб знал, что Паука зовут Фенрисом О’Гморком, и это всегда казалось ему ироничным. Волк, принявший обличье арахниды. Арахнида, называющая себя волком.

– Мы здесь не затем, чтобы принимать *это* решение, – сухо щелкнула клювом Цапля. – Нам требуется всего лишь

выбрать лучшего исполнителя.

– Ошшибаешшься, почтенная...

И Паук одышливо захихикал. Мерзкое все же создание, как и вся их Башня. Непревзойденны в плетении сетей и интриг. Если кого-то требовалось поймать живым, а потом долго и мучительно умертвлять, попутно вызнавая нужные сведения, заказ поступал им. Не этот случай. Тут требовалась быстрая, как удар молнии, смерть. Хотя какая смерть, демоны не умирают. Так, временное развоплощение, что замедлит его, но, конечно же, не остановит. Гураб зло сощурился под маской.

В голову лезли совершенно непрошенные и неуместные сейчас воспоминания. Изумрудные холмы Фэйри, заросшие папоротником, вечно юный Город-под-Холмом. Огромные бальные залы, их малахит, яшма и мрамор, цветочные гирлянды, ползущие вверх по стенам и свисающие с потолка. Дивная музыка скрипок и флейт, журчание светлых фонтанов. Голоса. Шаги. Они были так молоды тогда, так беспечны, но уже в те дни Фрейя всегда становилась в пару с этим мерзавцем Андрасом, игнорируя уязвленные взгляды Бальдра. Уязвленные не столько потому, что его сговоренная невеста пляшет с чужаком, но из-за восторженных шепотков, бегущих по залу: «Смотрите, смотрите, возлюбленная дочь Солнцеликой Богини и Вороний Принц, младший сын Великого Герцога, ах, какая пара, верный залог долгого мира». Трижды ха.

Гураб раздраженно тряхнул головой. Только этого еще не хватало. Не хватало, чтобы Совет заметил его колебания, его слабость. Он сжал кулаки. Оркриса, расположившаяся справа, покосилась на него – он заметил блеск ее глаз под маской. Она стояла всего двумя ступенями ниже него во владении искусствами Башни, эффективная, смертоносная, и ее не терзали сомнения. Нельзя было, чтобы Совет выбрал ее.

Паук между тем продолжал упорствовать.

– Братья и, разумеется, сестра, – тут он кивнул в сторону Цапли, – прежде нам следует обсудить, принимать ли вообще этот заказ.

Вся его шепелявость вдруг куда-то исчезла, и стало ясно, что и это было игрой.

Безликие силуэты, возящиеся в сумраке. Чуть слышное карканье ворон, шорох их перьев. Треск факелов в темноте.

– Мы убивали демонов и прежде, – вмешался Воробей своим чирикающим, почти детским голоском.

На самом деле он – или уж наверняка его бессмертный дух – был старше камней, из которых сложили эту Башню.

– Даже великих демонов.

– Но не князей Бездны, – беспокойно возразил Паук.

– Всем известно, что наша цель полукровка, – высказалась Цапля. – Полудемон-получеловек, что делает его более легкой добычей. К тому же он наверняка ослаб. Он только что вернулся из мира, где у него не было никаких сил.

– Этого мы не знаем, – ответил Паук. – И как бы он вер-

нулся, не будь у него никаких сил? Мы ничего не знаем о Мирах Смерти, мы не знаем, что или кого он привел с собой. Если мы сейчас промахнемся, это ударит по нам сильнее, чем даже гибель одной из Башен. Вспомним о судьбе Соколов...

– Его легионы еще не в сборе. Когда соберутся, он станет практически неуязвим, – раздраженно проклацала клювом Цапля. – И пока мы тут спорим и пререкаемся, с каждым мгновением репутация нашего Ордена подвергается все большим сомнениям, а его силы все больше растут.

«Почему молчит Ас-Саббах?» – подумал Гураб.

Как будто подслушав его мысли, магистр Башни Ворона приподнялся со скамьи и тихо сказал:

– В этом деле у нас нет выбора, сестра и братья. Но мы можем выбрать, кому из достойнейших поручить это дело.

И спор прекратился.

* * *

Его почти вынесло из Башни темным течением гнева, но от каменной кладки отделился силуэт.

– *Сайдах*, – выдохнул Фальварк. – Что ты здесь делаешь?

Ас-Саббах приблизился одним плавным, неразличимым движением.

– Ассасины не дают клятв в отличие от перворожденных, – тихо произнес он. – Здесь принято забывать прошлое

и бывшие имена, но я говорю сейчас не с Гурабом Фальварком, а с Амротом, князем Альфхейма. Дай мне клятву, что не будешь чинить препятствий Оркрисе.

Совет выбрал ее. Совет выбрал ее! Гураб почти забыл, что такое ярость. За прошедшие тысячелетия в мире людей и сотни лет в Башне его душа истерлась и стала гладкой, как галька у подножия Кровавых Скал. И все же именно ярость он чувствовал сейчас. Он чувствовал, как гнев вскипает в его душе, как выплескивается на переулки и площади огромного города и течет по ним раскаленной лавой.

– Дай мне клятву, – повторил Ас-Саббах.

Гураб ощутил холодящее шею лезвие, хотя *сайдах* стоял как минимум в трех шагах от него. Значит, наставник пришел сюда не один. Что ж, напрасно. Гураб резко откинул назад голову и услышал, как хрустит разбитый носовой хрящ. Он отбил ладонью чужую руку с ножом, присел, крутанулся, выпуская из рукава несколько перьев-лезвий. Рядом захрипели.

Когда он снова выпрямился, тот, кто пришел с Ас-Саббахом, был уже мертв и темной грудой лежал на полу. Его старый наставник все так же стоял в трех шагах и покачивал головой.

– Ты научился убивать, Гураб, но думать так и не научился.

– Я выйду отсюда, – процедил Фальварк. – Выйду через твой труп, если это понадобится, и любое количество трупов.

– Тело не имеет цены для нас, – прицокнув языком, ответил *сайдах*. – Оно лишь временное вместилище. Однако я пришел сюда не затем, чтобы сражаться или спорить с тобой. Задай себе один вопрос – что дальше?

– Дальше я убью его. Отомщу за сестру.

– А после этого?

– А после – уже неважно.

– Хорошо, иди, – неожиданно покладисто согласился Ас-Саббах и сделал шаг в сторону. – Иди и столкнись с последствиями своих действий. Но путь обратно для тебя закрыт. Ты больше не войдешь в эту Башню, и я забираю у тебя Воронье Имя, Гураб Фальварк. Отныне ты просто Амрот.

Тот, кого так долго называли Гурабом, ощутил мимолетное чувство потери – но кипящий гнев быстро смыл его, не оставив следа.

– Прощай, наставник, – сказал он, только сказал это уже железным воротам Башни, запертым, как заперты они были последние восемь столетий.

Он стоял снаружи, в беспокойной ночи, на пустой дороге. И ему следовало поторопиться.

* * *

Нью-Вавилон с размахом праздновал Истерналии, оттого-то огни в храмах Астарота/Астарты на этой неделе были так яркие. По улицам бродили опьяненные дурманом толпы.

Воскрешение всего живого новой весной требует, чтобы это живое предварительно умерло, и, если жертв было недостаточно, жрецы с лихвой восполняли это упущение. Кровь рекой стекала по черным ступеням и бронзовым треножникам, на которые возлагали вырезанные сердца. Весь город пропах спермой и кровью, дома разрешенных и запретных увеселений были переполнены, ибо совокупление – второй способ отметить торжество вечной жизни. Восьмиконечная звезда ярко горела над площадью, озаряя окрестные крыши, толпы народа внизу и двух каменных львиц, возлегших у подножия лестницы, ведущей в центральный храм Ашшур.

В Нью-Вавилон на этой неделе набилась масса чужаков из окрестных сел, из бесконечных провинций, подчиненных Синедриону, и даже были те, кто прилетел с самого Марса, – отчасти тайные почитатели Астарота/Астарты, отчасти просто любопытствующие туристы. Они пили, пели, гуляли, теряли жизни и состояния, и, кажется, в эту ночь все собрались на площади Нергала, все как один. Дорога Процессий, ведущая к Храму, мертво стояла, здесь было не протолкнуться.

Гураб (он привык называть себя так и желал оставить себе это имя, потому что Амрот Прекраснокудрый давно исчез, сгорел, сгинул в той давней войне) сначала лавировал в толпе, а потом поднялся по внешней лестнице на одну из плоских крыш. Дома здесь были древние, стоявшие чуть ли не с основания города. Никто не посмел покуситься на исторические кварталы и утыкать их башнями-монолитами и

жилыми зиккуратами, как в более современных застройках на окраинах и в деловом центре за рекой.

Он мог отправиться напрямик в Небесную Гавань, но сначала следовало устранить одно препятствие. Оркриса. К счастью, он знал, куда она пойдет. Ох уж эти новые законы об инклюзивности и равноправии, истерически проталкиваемые уже третьим подряд составом Синедриона. В Орден начали принимать женщин, а потом этим женщинам разрешили иметь детей. Гураб криво ухмыльнулся под капюшоном, пробираясь по узкому карнизу. Воистину настали последние времена. Еще немного, и служителям позволят жить дома, в окружении семьи, где-нибудь в уютном поместье за городом, и растить на грядках брюкву.

Так низко Башни еще не пали, однако у Оркрисы был сын, растущий в лучшем государственном приюте, в храмовом комплексе Астарота/Астарты. Несомненно, перед выполнением самоубийственного заказа она отправится повидаться с ним.

На площади внизу тоже было беспокойно. Какие-то поселяне в темных накидках вскарабкались на статуи львиц и, то ли спьяну, то ли совсем ошалев от божественного *сумбула*, пытались отбить лоснящиеся от миллионов прикосновений носы. Трое или четверо колотили в огромный бронзовый гонг, стоявший у распахнутых по случаю праздника Львиных Врат. Насколько бы Гураб ни спешил, он задержался на мгновение, чтобы посмотреть, как расправится с глупцами

храмовая стража. Стражники в высоких позолоченных шлемах действительно выбежали из Врат, размахивая силовыми копьями, но тут из толпы вылетела бутылка, затем еще одна, затем бутылки полетели градом. Разбиваясь о ступени и о доспехи стражников, они вспыхивали синеватым пламенем. Стражи развернулись и наставили на бунтовщиков копья. Из наконечника каждого вырвалась струя нестерпимо белого, ослепительного огня. Огненные струи прожигали дорожки в толпе, все больше людей загорались и пытались выбраться, поджигая в свою очередь соседей по этой вселенской давке. Даже здесь, на высоте пятого этажа, отчетливо запахло горелым мясом. Собравшиеся у храма взревели. Некий человек в красном одеянии ловко, как обезьяна, начал карабкаться на Колонну Тысячелетия, цепляясь за выступающие узоры и фрагменты барельефов. Непонятно было, куда он стремится, ведь на вершине колонны в честь Истерналий тоже горел огромный факел. Один из стражников, не снеся свято-татства, направил свое копье на него. Белое пламя окатило колонну. К запаху жженого человеческого мяса прибавился запах плавящегося металла. Толпа взревела, и оттуда слышались крики: «Марсиане, марсиане пробрались внутрь и убивают жрецов! Хотят свалить священную колонну! Бей еретиков с Марса!»

Собравшиеся на площади хлынули в Храм, сминая тонкую цепочку стражи.

Гураб, как и некоторые другие из присутствующих здесь,

обладал вторым зрением. Поэтому он заметил, что над площадью кружат огромные, ужасного вида мухи. Мухи протискивались в глаза людей, лезли им в рот, головы бунтовщиков через некоторое время лопались, выпуская новые полчища насекомых. Потянуло нездешним зловонием. И где-то высоко наверху – или, может, наоборот, глубоко внизу – зазвучал все усиливающийся пронзительный смех. Не то чтобы бывший ассасин Башни Ворона впервые стал свидетелем демонического одержания, но увиденное ему определенно не понравилось, и он поспешил убраться из нехорошего места. За его спиной толпа громила Храм.

* * *

В переулках за храмовыми садами было неожиданно темно и спокойно, будто всего в паре кварталов отсюда люди не умирали сотнями и не бесновалась вконец обезумевшая толпа. Здесь пахло лавром и миртом, благородным сандалом, а может, не лавром, не миртом и не сандалом, но запах был определенно приятный. Окна дома напротив того места, где сейчас прятался в тени надвратной арки ассасин, горели теплым свечным огнем.

Гураб отсчитывал этажи и оконные проемы. Он знал, что мальчик спит в одной из общих дормиторий своего курса, третий этаж, четвертое окно справа. Там свет уже не горел. Он сделал шаг, чтобы незаметно пересечь улицу, уловил ка-

кое-то движение или, скорей, дуновение и отскочил в сторону, уклонившись от отравленного дротика.

– Ты так предсказуем, Фальварк, – прошипела Оркриса из темноты. – Ты бесталаный убийца и бесталаный любовник. Но скажи мне, ты действительно хотел зарезать собственного сына?

– Нет, *meletha*, – с улыбкой ответил он.

«Любимая» на том языке, который он все эти годы пытался забыть.

– Нет, не нашего сына, а только тебя.

– Ну что ж, попробуй.

Она вышла на середину улицы и встала в свете одинокого фонаря. Гураб действительно любил ее когда-то или думал, что любит, и все лишь потому, что в этой смертной была капля божественной крови Ванахейма и в юности она чем-то неуловимо напоминала его сестру. Сама Оркриса, конечно, об этом не знала, а долгий свой век, вероятно, приписывала здоровому образу жизни и регулярным тренировкам.

– Уступи мне.

Он даже протянул руку открытой ладонью вверх. Ей достаточно было вложить в ладонь свиток с заказом, и он ушел бы, абсолютно честно, ушел бы, не тронув ее. Женщина покачала головой.

– Ты грязная тварь. Твое присутствие оскорбляет Башню.

– Башню оскорбляешь ты и твоё отродье, – холодно ответил Гураб.

Он уже понял, что мирного разрешения не будет, но не ожидал, что из тени деревьев храмового сада выйдут еще трое. Рыжеволосый Шивон, нынешний любовник Оркрисы, даже не стал скрываться под капюшоном. С ним еще Даймон Длинный Меч и кто-то из молодых адептов – должно быть, Даймон притащил с собой ученика.

– Никогда не мог понять, – осклабился Длинный Меч, демонстрируя черную щель между передними зубами.

Прозвище он получил отнюдь не за длину клинка, потому что излюбленным оружием его была духовая трубка с дротиками, которую Даймон ловко вставлял в эту самую щель.

– Не мог понять, почему *сайдах* сотнями лет привечал этого сраного остроухого.

– Тише, тише, Дайм, а не то благородный князь Альфхейма обидится, – гоготнул Шивон.

Гураб перевел взгляд на женщину. Откинув капюшон, та улыбалась, подставив лицо свету фонаря, и лицо это было так же прекрасно, как десять лет назад.

– Ты полагал, маленький альв, что я буду хранить твою стыдную тайну? – хмыкнула она. – Пришла пора платить за грехи.

Это были ее последние слова, потому что Гураба Фальварка на улице уже не было – была размытая тень, был веер из метательных ножей-перьев. Один угодил Оркрисе в глаз. Второй пробил шею юного ученика. Шивон и Даймон успели броситься под защиту деревьев.

– Это все, на что ты способен, Амрот-Женоубийца? – прокричал оттуда Шивон.

Но смысла в его крике было уже не больше, чем в бульканье медного чайника, потому что Гураб достиг своей цели. Уходя тесным переулком, он успел оглянуться и увидеть, как в окне dormitorio белеет маленькое лицо.

Глава 5

Шонхор и баллада о двух мечях

Все эти дни я не мог отделаться от мысли, что происходящее – просто дурной сон. Что если крепко зажмуриться и сильно-сильно пожелать проснуться, то так и случится. Я очнусь в старом вольтеровском кресле в парадной гостиной Гудвил-манор, дед, как всегда, сидя у камина и чертыхаясь в усы, будет чистить свой антикварный Н&Н, а мать читать сестрам вслух какую-нибудь нудятину типа «Гордости и предубеждений». Именно так, по мнению деда, и должны были проходить вечера в настоящем английском поместье. Тогда я маялся скукой, а сейчас отдал бы что угодно, чтобы вновь очутиться там.

Однако этой ночью мне явились совсем другие сны. Помню, как, засыпая на своем жестком ложе, я вспоминал деда, отца и мать и обшитые деревом стены старого дома, как в тысячный, наверное, раз пожелал проснуться где угодно, но только не в Равнинном Храме... Если здешние боги услышали мои молитвы, то ответили они на них весьма своеобразно. Мне приснился Туманный Берег. В ту ночь впервые, хотя, уже видя его, я откуда-то знал, что сон вернется, много и много раз. Крепость горела. Не просто стены, но и скалы под ними, и море, бьющееся об эти скалы. Это было не чистое пламя костра, не смоляной чадный огонь, не горящая нефть

и даже не ослепительно-голубое пламя лазера. Это был бесовский, искажающий реальность огонь, от которого плавилась самая ткань бытия. И что самое ужасное, я был источником этого пожарища. Я висел в воздухе, примерно на уровне крепостной стены или чуть выше, и из меня исторгалось дьявольское фиолетово-розовое пламя, я был его средоточием, и в руках у меня было два меча – черный, похожий на клинок Варгаса, и совсем другой, золотой, огромный настолько, что его не могла бы вздеть человеческая рука. Огонь пожирал меня до самых костей, и я заорал от лютой боли. Я кричал и кричал и никак не мог ни остановиться, ни проснуться, ни хотя бы погасить этот жар. Я почувствовал, что снова умираю, и тут в рот мне хлынула ледяная вода.

Я распахнул глаза и забился. Вода была надо мной и вокруг меня, я замахал руками, тщетно цепляясь за гладкие каменные стенки купели, попытался вырваться, но меня твердо прижимала ко дну чья-то рука. В следующее мгновение я сообразил, что все еще горю, что пламя пожирает меня даже под водой. Я перестал сопротивляться и затих, и огонь угас спустя несколько секунд. Пальцы на моем горле разжались. Кашляя и отплевываясь, я сел. Варгас стоял рядом с купелью и разминал кисть руки. Простыни и покрывало на моей лежанке обуглились, в комнате остро пахло паленым. Рубашка на мне тоже сгорела почти целиком и висела черными клочьями.

– Ну, вы даете, Том, – сказал Андрей.

Лицо у него было довольно бледным и напряженным, как будто он действительно испугался – хотя что вообще могло его напугать?

– В следующий раз, когда задумаете воспылать огнем Бездны, хотя бы предупреждайте.

– Это не мой огонь, – прокашлял я. – Не мой огонь, не мой сон, а ваш.

Я вылез из купели. С меня потоками на пол и на ковер лилась вода.

– Знаю, что мой, – нехотя согласился Варгас. – Не думал, что вас так быстро проймет. И не думал, что это будет настолько... болезненно.

Он вновь потер руку. Ладонь была белой, как от холодового ожога.

– Ваши легионы, – зло сказал я. – Они тоже горят? Этого вы не ощущаете?

Андрей сгреб обгоревшее белье с моей лежанки, вышвырнул в коридор и только после этого ответил.

– Вы, Томас, ощущаете, когда в вашем теле умирает одна клетка? Или даже не одна, а десять, сто, тысяча? Это происходит ежесекундно, но вам как-то плевать. Но если вас пьрнут в печень, полагаю, это будет ощутимо.

Наверное, мне следовало возгордиться, что я такой важный орган в демоническом организме маркграфа Андраса, но я отчего-то не возгордился. Скинув остатки рубахи, я лег на пол, завернулся в ковер и остаток ночи проспал уже без

сновидений.

* * *

Если эти записи когда-то увидят свет – на что я уже особенно не надеюсь, – думаю, всех читателей, слушателей и зрителей будет занимать один вопрос. А что же шонхор? Почему я молчу о нем? Где же этот могучий Враг из Рукава Персея, о котором твердил Мунташи, почему вокруг нас не рвутся снаряды, не пылает война?

Дело не в том, что мы находились в Равнинном Храме, самом надежном из всех убежищ. И не в его отдалении от Эргала и Тавнан-Гууда, которые остались далеко на севере. Война закончилась почти семнадцать лет назад, примерно тогда, когда, по прикидкам Андрея, Мунташи явился в наш мир. В Миры Смерти, как он их сейчас называл. И кончилась она странно. Враг просто ушел. Точнее, шонхоры, объединившись с царствующей супругой (или вдовой?) Мунташи Ылдыз-наран, окончательно изгнали землян из Тавнан-Гууда и после заключения сомнительного мира (землянам оставили базу в Эргале, но Тавнан-Гууд и окрестные селения были под полным контролем йер-су) отбыли куда-то на своих биокораблях. А самым странным во всем этом было то, что живший при храме шонхор в общем-то даже не был разумен. По сути, он оказался одним из приемышей вроде тех, что ежедневно требовали моих подношений у антигравитацион-

ной горки.

Я видел его несколько раз. В основном когда пернатая тварь кружила над скалами в компании Андрея, поднимаясь в потоках горячего воздуха. Ах да, я еще не упоминал? Маркграфа Андраса прозвали Вороньим Принцем не за скверный характер. В своем демоническом, возможно, единственном истинном обличе он мог похвастаться огромной вороньей башкой и крыльями размахом в двадцать с лишним футов. Глаза Андраса-ворона были черными с мелкими светлыми крапинками, кружащимися в глубине, словно галактики в пустоте. Глаза шонхора были золотисто-карими, с вертикальным зрачком. И не был он никакой птицей. Скорее, чем-то вроде древнего теропода, обильно поросшего разноцветными перьями. Еще в моем детстве ходили легенды о чудесном парке Аргуса Лавендера. Перед тем как отправиться на Аквамарин, этот достойный джентльмен, изобретатель и авантюрист почти целиком воспроизвел «Парк Юрского периода» из старой кинофраншизы. Деньги у него были, генетики – были, а главное, было шило в заднице. Возможно, в детстве он впечатлился реконструированными в конце двадцать первого века фильмами, переведенными в 5D-качество, так что через «буйки» любой желающий мог побывать в парке. К тому времени, когда я подрос, и Аргуса Лавендера, и его волшебного аттракциона уже не было – «зеленые» запретили эксплуатировать животных, и всех динозавров утилизировали, а Лавендер считался предателем че-

ловечества и межпланетным преступником. И все же сохранились кое-какие виды. Помню, как я с замиранием сердца следил за тем, как по стволу дерева скачет парочка красивых пернатых кайхонгов. В виде можно было их даже потрогать, но маленьким я так и не решился это сделать, больно уж многообещающе выглядели их зубастые клювы. Они были невелики, в отличие от нашего шонхора, который достигал полутора метров в холке – не кетцалькоатль, конечно, но точно крупнее марабу. Он вообще смахивал на этих африканских падальщиков, только физиономия не мерзкая, а, скорее, умильная. Он любил сладенькое, я кормил его с руки финиками, предварительно вытащив косточки. Почесывал поросшую редкими радужными перьями шейку. Шонхор щурил глаза и меньше всего походил на смертельную угрозу роду человеческому. Разумным он был не больше щенка хаски – отличный материал для лингвобиологов, сомнительный для армии и космофлота.

Шонхора подобрал, я так понял, еще один из насельников Храма. Сейчас этот человек был в отлучке, а своего питомца оставил здесь. Птичка скучала и оттого с большой радостью обрела компанию в Варгасе, который, обернувшись полувороном, парил вместе с новым приятелем над Храмом и над раскинувшимся внизу военным лагерем. Каждый раз, опускаясь на наблюдательную площадку, мой сюзерен (пожалуй что так) терял огромное количество черных перьев, в результате каменный пятачок вскоре был целиком усыпан

ими, словно тут гнезвился не слишком чистоплотный гриф.

Шонхора звали Клаусом. Как поведал мне Андрей, наладивший с ним какую-никакую связь, этим именем птенца нарек его спаситель. Этот спаситель (которого вроде бы звали Отто) нашел целую кладку после того, как все войско шонхоров таинственно покинуло планету. Выжил только Клаус. Воспоминаний о родителях у него, понятно, не было никаких, лишь смутная родовая память. В этой памяти силен был образ Большого Отца и Большой Матери, дарующих бремя разума, – так, по крайней мере, интерпретировал переживания твари Андрей. Отто птенец воспринимал как отца и мать вместе взятых, был полностью запечатлен на него и страстно желал, чтобы родитель наделил его разумом, только вот что-то не получалось. Зато Клаус с легкостью мог пересекать границы миров и, кажется, парил с Андреем не только в реальности Храма, но и во многих других, мне пока недоступных... Кроме птенца, таинственный Отто преподнес нам еще один большой сюрприз, но об этом позже.

* * *

Когда я уже совсем уверился в том, что мне придется пожертвовать всеми окрестными сусликами – потому что дети постоянно меня теребили, требуя витаминки, конфет и подарков, – Андрей объявил, что мы на рассвете отправляемся в Тавнан-Гууд. Это произошло вечером, после очередного

его полета с шонхором. Я поднялся на площадку, пошатываясь от усталости. По всем симптомам это смахивало на демоническую анемию. Маркграф Андрас сидел там, на самом краю обрыва, свесив ноги в пропасть внизу. Его омывал золотистый закатный свет. Странно, но закаты тут были вполне обычные, земные, в отличие от сумасшедших рассветов. Если бы к тому времени я не утратил способность удивляться, то непременно удивился бы, потому что в руках у Вороньего Принца была гитара. Черная лакированная гитара, отлично мне знакомая – я не раз видел ее наяву и в кошмарах, когда пытался вернуть его из комы, я чуть пальцы ему не сломал, вытаскивая гитару из его безжизненных, в кровь сбитых рук.

Удивился бы я, наверное, даже не гитаре, а тому, что Андрей пел. Тихо напевал, подыгрывая себе, – незамысловатая мелодия, в которой чудилось что-то средневековое. Я решил ему не мешать и остановился послушать. При этом я так и не смог определить, на каком именно языке он пел – испанском, английском, русском? Точно были строки на латыни. Кажется, все языки и даже безмолвная психическая речь смешались в моей голове, словно я побывал на самой верхушке вавилонской башни.

Слова в песне были такие:

Там, где жизнь встречается со смертью,
Дышат тополиные соцветья,
Истины томятся у дверей.
Открывай скорей.

Странник, два клинка в твоих ладонях,
Прочитай же строчку на латыни:
Adveniat regnum tuum!
Пляшут блики солнца на затоне,
Пляшут демоницы над пустыней,
Spiritus Sanctum Benedictum.

Там, где Бездна высится над Бездной,
В небо столп вонзается железный,
И горит погибельный огонь.
Хочешь – тронь.

Не уйти от жажды пилигриму.
Даже поле, засухой томимо,
Обретет блаженную грозу.
Лишь моя печаль неутолима,
И от Карфагена и до Рима
Два клинка в ладонях я несу...

Он то ли не видел, то ли предпочел не замечать меня и допел до конца. Я не мог не разразиться издевательскими аплодисментами, хотя песня мне, скорее, понравилась. Просто я был тогда хронически зол на него. Он обернулся, ничуть не смущенный моей выходкой.

– А, это вы, Гудвил. Как поживает бюро демонической благотворительности?

– Печень пока не отвалилась, – сердито сказал я и присел

рядом.

Странно. Раньше я если и не боялся высоты до истерики, то точно опасался. И уж точно не стал бы сидеть на краю обрыва высотой в пару тысяч футов, болтая ногами, зажавшись и подставив лицо теплым солнечным лучам.

– Завтра выдвигаемся, – услышал я сквозь красноватое сияние под веками.

– Ваши легионы в сборе?

– Нет, но они неплохо справляются и без меня. Мы навестим Ылдыз-наран, безутешную вдову.

– Понятно, – без особого интереса отозвался я. – Что это за песня?

– Моя старая песня. Кажется, я называл ее балладой о двух мечах.

Я открыл глаза и уставился на него. Андрей выглядел, как всегда, невозмутимо.

– Не знал, что вы еще и стишками балуетесь.

– Баловался, – ответил он. – Давно завязал, а сейчас, после того как вернулся, что-то вспомнилось. Видите ли, Гудвил, маркграф Андрас был очень молод и очень глуп. Непростительно глуп.

Я ожидал дальнейших откровений, но вместо этого Варгас просто швырнул гитару с обрыва. Она полетела вниз, жалобно звеня, рассыпаясь на части, теряя колки и струны. Шонхор, присевший на каменный козырек над нами, возмущенно завопил.

Был непростительно глуп, говорите? А сейчас, значит, сильно поумнел...

* * *

Утром, как я уже упоминал, нас ждал еще один большой сюрприз. Настоятель Храма вернулся. По странному совпадению, им оказался тот самый Отто, усыновитель теропод. По еще более странному, он был не просто Отто, а Отто фон Заубервальд, о чем мне с кривой усмешкой поведал Андрей по пути в центральный зал Храма. Видимо, в христианской церкви это соответствовало бы алтарной части, но никакой укромностью и тайной тут не пахло. Больше всего зал напоминал источенный временем термитник или сумасшедшую голубятню. Он возносился вверх, до самого купола — свода гигантской пещеры, и стены его были изрыты устьями коридоров, словно гигантские соты. Из всех коридоров бил свет, хотя это было нереально — мы находились глубоко в толще горы. Свет утренний, свет вечерний, лучи, окрашенные в тысячи цветов и оттенков, отчего в воздухе над нами дрожало что-то вроде ячеистого витража. В нем плавала пыль, летали перья. Посреди зала стояло что-то типа кафедры, хотя, приглядевшись, я понял, что это просто камень, красноватый, вроде тех, из которых состоял весь Храм. На верхней, плоской части камня виднелся узор из двух перекрещивающихся стрелок, похожий на тот, что рисовали на старинных кар-

тах. Стрелки компаса. Также там имелось два углубления, как раз под человеческие ладони, и я, неведомо как, понял, что никакой здесь не алтарь, а, скорее, командный пункт или рубка, а передо мной штурвал для управления этим невероятным кораблем. Рядом со штурвалом стоял старик. В таком же, как все служители этого места, коричневатом пустынном облачении, только его капюшон был откинут.

Отто фон Заубервальд был очень, невообразимо стар. Мне он напомнил актера двадцатого века, от которого млела моя почтенная матушка, Макса фон Сюдова, в его последних картинах. Тот же высокий рост, горделивая осанка, белоснежные волосы, лицо средневекового рыцаря, источенное временем, как этот зал устьями пещер, источенное, но не сломленное. Взгляд бледно-голубых выцветших глаз упирался в Андрея. В нескольких шагах позади старика квохтал и драл перья из-под мышек шонхор.

Но самым удивительным был не старик, а то, что он держал, точнее, придерживал рукой. Это был меч. Гигантский клинок, в котором я почти сразу признал меч из мыслезаписи сержанта Викии, меч с золотой рукоятью и двумя гардами. Меч без ножен. Этот клинок был ростом почти с самого старика, золотое навершие рукояти поблескивало в районе его виска.

Все так же глядя на Андрея, старик слабо улыбнулся и сделал приглашающий жест.

– Hallo, Schwertgeist¹, – проговорил он, как ни странно, по-немецки.

Я с трудом понимал этот язык, и демоническое всеведение тут почему-то не помогло, так что, заметив мой недоуменный взгляд, старик быстро перешел на английский.

– Не думал, что когда-то увижу вас... во плоти, – продолжил он, повернув голову к Варгасу. – Позвольте осведомиться, как мне к вам обращаться? Называть вас Тирфингом как-то странно, я слишком долго таскал этот клинок на собственном горбу. Его сиятельство маркграф Андрас? Полковник Андрей Варгас? Какое из имен вы предпочитаете?

– Отдайте меч мне, – тихо ответил Андрей.

Его слова эхом разнеслись под сводом. Шонхор каркнул и завертел головой на тощей шее. Ему, кажется, не понравилось, что любимые хозяева ссорятся.

– Знали бы вы, сколько раз я это слышал, – так же негромко рассмеялся старик. – «Отдайте меч, или будете расстреляны», «Отдай мне меч, вонючий старикашка, пока я не порвал тебе глотку», «Сука, где меч?!». Какую-то вежливость пытался проявить только бедняга Ингве... Но и он не выдержал до конца². А самое смешное в этой истории то, что проклятый клинок, отдавай я его или нет, всегда возвращался ко мне.

Он повернул голову и поглядел на меч с непередаваемым

¹ «Привет, дух меча» (нем.).

² События частично описаны в книге Ю. Зонис «Дети богов».

отвращением.

– Бедный князь Ингве совсем запутался в смертной жизни после того, как других богов не стало. Он просил сдать Тирфинг в музей или хоть отдать на переплавку, только бы избавиться от ужасного клинка. Вместо этого я две сотни лет таскался по мирам, чтобы вернуть меч... ну, полагаю, вас можно считать его законным владельцем, раз перед этим он многие столетия владел вами. А я наконец-то смогу уйти на покой.

Он протянул клинок Андрею. Меня посетила дурацкая мысль, что меч сейчас окажется выше невеликого ростом Варгаса, и смотреться это будет довольно по-дурацки. Но нет. То ли Андрей вырос, то ли золотой клинок сжался. Он по-прежнему оставался огромным, и все же Варгас спокойно положил ладони на его верхнюю широкую гарду, а подбородком уперся в навершие.

– Вы знаете, Отто, – сказал он, задумчиво глядя на старика. – Я могу продлить вам жизнь. Долго... бесконечно.

Старик снова негромко захихикал.

– Нет уж, увольте. Не надо мне этого вашего демонического огня или божественного ихора. Меч и так растянул мой век в пять раз, если не больше. Хорошенького понемножку. Вот найду только Храму нового достойного настоятеля...

Тут он почему-то уставился прямоиком на меня, и мне стало крайне неудобно под взглядом этих старческих, безмятежных, как летнее небо, глаз. А спустя час мы уже покинули

Храм – надеюсь, чтобы никогда сюда не вернуться.

* * *

...Когда мы, вновь оседлав идалов, выезжали на плоскую желтую равнину и по широкой дуге огибали лагерь, Варгас обернулся ко мне и сказал:

– Вижу, Томас, вы под впечатлением. Но не считайте, пожалуйста, этого Отто владыкой джедаев. Вообще-то он с другой стороны. Почти всю Вторую мировую старик прослужил в «Аненербе» и в поисках истинного германского наследия отправил на тот свет не один десяток душ.

Я не нашелся что ответить, да и требовался ли ему мой ответ? Вместо этого я посмотрел на огромный меч, завернутый сейчас в кожу и пристегнутый наискось к его спине, и еще раз отметил сходство с клинком обитателя железного замка у моря Бай Тенгиз. Также меня волновал сугубо практический вопрос – где ножны этого великолепного клинка и что их отсутствие означает в свете одной запомнившейся мне фразы: «Я не возвращался в ножны, не отведав крови».

Глава 6

Небесная Гавань

У храма Ашшур все еще было беспокойно, и, судя по оранжевым отблескам в облаках, на площади Нергала и вокруг нее полыхали пожары. Центральные улицы по-прежнему заполняла толпа. Толпа дышала, тревожно и зло ворочалась, то тут, то там слышались выкрики про марсианских святотатцев и про то, что жрецы в Храме подложные, и вместо кровавой дани Астароту/Астарте жертвенные приношения из их рук поступают прямиком к неверному Бельфегору. Были тут и сторонники Бельфегора, кое-где между адептами двух Великих Герцогов уже кипели яростные стычки, которые не спешила разнимать городская стража. В ход шло и огнестрельное оружие, и палицы-молнии. Огромные вид-кристаллы, парящие над улицами, безмятежно транслировали вчерашние мистерии Истерналий. Весь центр был перекрыт, транспорт объезжал его по кольцу Ашшурбанапала, также не работали и серые вагоны монорельса. Вконец отчаявшись вызвать такси, Амрот, предпочитавший называть себя Гурабом, нанял двух медных големов и церемониальные носилки. Обычно в таких разъезжали по центру только жрецы, но жрецам сейчас было не до того, а стража, наученная недоброй памятью, всюду беспрепятственно пропускала багровые паланкины. Големы бежали резво, так что через час он уже

добрался до одного из орбитальных лифтов, поднимавших за день десятки тысяч пассажиров в Небесную Гавань.

Народ на станции тоже нервничал. Каждая кабина была снабжена вид-кристаллами, не столь огромными, как в городе, но передававшиеся по ним новости были куда чернее. К рассвету обнаружилось, что центральный Храм Ашшур сожжен практически дотла, то ли бельфегоритами, то ли марсианами. Огонь подбирался к храмовым садам и небольшому зиккурату Таммуза на западе. Кое-кто видел на площади и Мух Вельзевула – среди корреспондентов встречались те, кто обладал вторым зрением, и сейчас они расселись по Креслам Сновидцев, всю трансляцию жуткие кадры. Чем выше возносился лифт, прижимая пассажиров к полу и стенам ускорением, тем хроника становилась мрачнее. Крестьяне громят благотворительный приют несл. Феокла, врываясь в покои молоденьких жриц. Несколько туристов с Марса заперлись в доме на улице Воздаяний, спасаясь от озверевшей толпы. К несчастью, среди них оказался жрец Аполлона, который чрезвычайно мастерски вознес молитвы своему покровителю, и все штурмующие здание мгновенно покрылись чумными бубонами, тем самым полностью оправдав название улицы. Ревели над городом аэробусы гражданских и военных служб, тысячи скорых не могли пробиться к центру. Перепуганные люди в лифте молчали или переговаривались вполголоса, многие вглядывались в персональные кристаллы, но связи, как всегда, здесь толком не было. Ко-

гда кабина уже почти достигла верхней, орбитальной платформы, в новостях вспыхнула и быстро распространилась по всем каналам новая тема. Прокуратура Синедриона официально выдвинула обвинения против жрецов Астарота/Астарты — слухи о том, что приносимые ими жертвы отправлялись отнюдь не Двуликому, а Исказителю Смыслов, подтверждались. Мельком даже показали государственного обвинителя, молодого человека лет тридцати — тридцати пяти, привлекательного, с мужественным и открытым лицом и курчавой рыжеватой бородкой. Он стоял на залитых кровью и покрытых копотью ступенях храма и что-то вещал, воздев руку с золотым скипетром, символом его должности. Амроту-Гурабу его лицо показалось смутно знакомым, будто он видел этого рыжебородого раньше, то ли наяву, то ли в полузабытом сне, но времени разглядывать не было. Требовалось найти Морехода и его судно прежде, чем вечный скиталец отчалит к другим берегам. Лишь Мореход мог доставить бывшего ассасина туда, куда требовалось, с нужной скоростью, иначе пришлось бы полагаться на неверные небесные течения и милость демонов и богов. Путешествие по верхнему морю могло длиться и несколько часов, и несколько десятилетий, независимо от расстояния. Скорей, тут шла в расчет просветленность (или наоборот) капитана, готовность принести обильные (или нет) жертвы и благосклонность к нему высших существей, а Гураб не мог и не хотел ждать.

Однако подождать ему все же пришлось. На пропускном

пункте образовалась длинная очередь. Строго проверяли документы, тех, кого отмечала охрана космопорта, подвергали допросу пифий. В очереди испуганно обсуждали возможность полного закрытия Небесной Гавани. Гураб на минуту вышел из толпы и прижался к ледяному стеклу, отделявшему его от пустоты. Бублик космической станции вращался на длинной и тонкой оси лифта, создавая искусственную гравитацию и предоставляя прекрасный обзор. Отсюда, с высоты более пятисот лару, Нью-Вавилон представлялся огненной восьмиконечной звездой. Давно уже должен был наступить рассвет, но почему-то все не наступал, ночь медлила, аккуратно сжимая планету в когтях. Сложно было разобрать на фоне вечного сияния улиц, площадей и шоссе, охвачен ли до сих пор храмовый комплекс огнем, но восточный берег реки скрывали плотные тучи дыма – куда плотнее, чем обычный городской смог. Гураб не видел, но отлично мог представить, как подтягиваются из пригородов пожарные и войсковые части и личная, отборная гвардия Синедриона. Бунт будет подавлен, уже сегодня или завтра. На этот раз.

Он перевел взгляд туда, где – невидимо, но нерушимо, – город и окрестные уголья, а также подступы к реке, саму реку и ведущие от города железнодорожные пути охраняла цепочка Благословенных Башен. На вершине каждой из них горел огонь. Каждый день этому огню скармливали человеческую кровь, плоть и души. Столько стоила демоническая защита, и ей были снабжены все крупные города нынешней

Земли – Новый Рим, Новый Карфаген, Цзи, Тан-Джавур и другие. За цепочками Башен лежали Мертвые Земли. Говорили, сам воздух там был отравлен, почва не могла выносить ни единой травинки или древесного ростка, и только ветер перекачивал клубы ядовитой пыли. Там не было видно ни огонька. Ни мельчайшей искорки, ни признака жизни, отсюда и до призрачной переклички огней Нового Рима на северо-западе... Возможно, оно и к лучшему. Где-то в этой тьме лежали развалины Дита, похоронившие под собой не только сонмище смрадных демонов из свиты Мушиного Короля, но и одну из Башен. Все ассасины Башни Сокола сгинули в той войне, а ведь они сражались даже не с герцогом Бездны, а всего лишь с его миньоном... Погибли, не нарушив клятву.

Гураб мотнул головой, отгоняя дурные мысли. Он хотел уже отвернуться от стекла и снова встать в очередь или, если ожидание окажется слишком долгим, попытаться проникнуть внутрь другими, менее очевидными и законными способами, когда на плечо ему упало что-то тяжелое, как базальтовый блок. Это была чья-то массивная пятерня. Ассасин подавил первое побуждение убить того, кто это сделал, и медленно развернулся. Сверху блеснула белозубая улыбка, широкая, как пасть Харибды, и дохнуло вонючим перегаром.

– Братишка, – пророкотали на лязгающем северном наречии, – вот уж кого не ожидал тут встретить! И кстати, скажу, что хреновата у тебя маскировка. Ты, что ли, постригся?

Еще медленней, внутренне укрепившись и сделав глубо-

кий вдох, Гураб поднял голову и уставился в пьяную и веселую физиономию своего несостоявшегося зятя, Бальдра Одинсона. Несло от него, как от пивного бочонка, и кое-чем похуже.

«Чем же ты был нехорош для сестры? – холодно подумал Гураб, созерцая лыбящееся божество. – Глупый, влюбленный, покорный как пес. Конечно, бабник. Но кто из их семейки не бабник?»

Фрейя, обладавшая железным характером своей именной покровительницы (по некоторым слухам, даже матери, хотя слухи эти оскорбляли благородную Элевесту, их общую мать), легко бы выдрессировала этого пса, приучила к команде «К ноге!», и пропал бы Бальдр, стал бы вернейшим из всех супругов. Но пропала вместо этого сестра, выбравшая в спутники полудемона. Гураб сжал зубы, чтобы не разразиться ненужной сейчас бранью.

– А я, видишь ли, вышел воскурить, – продолжал разоряться между тем сын Высокого, размахивая курительной трубкой, откуда разило чем-то подозрительно сладким. – Представляешь, в транзитных залах не разрешено воскурять, и с возлияниями тоже не очень. А тут ты!

Он попытался заключить Гураба в медвежьи объятия, но ассасин ловко увернулся. Бальдр захлопал длинными ресницами – всегда был божественно хорош, подлец, – и заговорил хриплым шепотом, приложив палец к губам:

– Должен поведать тебе одну страшную тайну...

– Да во имя Светлого Моря, Одинсон! – рявкнул Гураб, которого этот день почти уже довел до ручки. – Промахос сказала тебе, что Андрас вернулся, после того как ты ей тщательно отлизал. Эту страшную тайну ты хотел мне поведать?

– Откуда ты узнал? – честно удивился Бальдр, хотя в глубине его серо-голубых глаз плясали веселые чертики.

– Я свечку вам держал. Ответ на один вопрос – мне же никак от тебя не отделаться, разве что только убить?

Сын Высокого покачал кудлатой головой.

– Убить, конечно, всегда можно, но есть ли у тебя под рукой омега...

Гураб жестом прервал его речь.

– Все понятно. Пошли тогда живей, а то Мореход ждать не будет.

И они пошли: Бальдр – накинув завесу невидимости, как свойственно богам Марса, а Гураб в его тени, как свойственно ассасинам Земли. Он никогда бы не признался в этом себе или кому-то другому, но был отчасти рад, что несостоявшийся родич увязался за ним. Во-первых, будет кого винить в совершенных ошибках, а во-вторых, прожив на свете более двух тысячелетий, не следует разбрасываться родней, пусть и такой сомнительной.

* * *

«Вингелот» нашелся среди верхних эллингов. Он затерял-

ся среди длинных стапелей, где обычно производили ремонт кораблей гражданского флота, и на фоне их массивных туш казался маленькой серебристой рыбкой. Летучей рыбкой, у которой отрезали крылья – но это до поры.

Гураб мысленно еще раз похвалил себя за то, что не отказался от компании Одинсона. Сам он, при всех своих талантах, мог прорыскать по стапелям целый день, но божественное чутье вело Бальдра точно к цели. Богам всегда легче, хотя не сказать что особо легко.

Мореход встретил их у причала, и был он неприветлив. В мифах многих народов Избранник Моря подобен утренней звезде, черты его лица – по мнению тех, кто берется об этом рассуждать, – отточены и совершенны, как свет Эа. На самом деле солнечные и морские ветра давно продубили его кожу, она стала красноватой и грубой, на физиономии Адского Кормчего застыло хмурое выражение, а глаза были того блекло-синего цвета, каким сияет полоса воды на самом горизонте в ясный день.

– Чего приперлись, принцессы?

Соленые волны ирреальности уже тихо поплескивали о сваи, поэтому, стоило высокорожденным гостям подняться на причал, как они увидели не массивные конструкции, краны и доки космических верфей, а обычные доски и палы. Как раз на одной из таких чугунных тумб и восседал Мореход.

– И мы рады тебя видеть, Полынь, – спокойно ответил Гураб.

Из всех имен Морехода это казалось ему наиболее соответствующим истине. Да, он был звездой, но звездой с явным привкусом горечи, вестником несчастья куда чаще, чем радости.

– О, восхитительный червь моря, – завопил между тем Бальдр, устремляясь к кораблю. – О, меч мальстрима, кормило битвы, воткнутое в панцирь мировой черепахи, серебряный язык Эгира, простертый...

– Что это вообще должно значить? – кисло поинтересовался Мореход, явно не оценивший искусство божественного песнопевца.

– Это должно значить, что он укурился. Как всегда, – мрачно ответил Гураб.

– И что вы, компания клоунов, собрались делать на моем судне?

– Бранный сосуд, разрывающий пасть Ермунгарда, – орал Бальдр, как бы ненароком подбираясь к трапу. – Хищная стенга прибоа...

Мореход наконец-то встал с пала и оттеснил его назад.

– Пошли прочь, недоумки, – зло сказал он.

– Зачем ты тогда вообще явился? – не менее злобно процедил Гураб.

– Затем, что я обязан был принести весть Синедриону. Синедриону, а не вам.

– Я заплачу золотом, – неожиданно буднично заявил Бальдр, сообразивший, что его трюк с лстивыми висами не

придет. – И божественным ихором.

– Ты, пивной жбан, позор своего отца, вообще бы помолчал, – отвечал Полынь и сплюнул бывшему принцу Асгарда под ноги. – И ты, недоросток, чуть не просравший Турманный Берег...

Он обернулся к Гурабу. Бледный взор его пылал вполне натуральной яростью. Любому другому Гураб уже воткнул бы нож в подключичную впадину, но тут почувствовал себя совершенно бессильным.

– Где сам ты был, когда пал Тайный Город? – огрызнулся он.

– Уж, наверное, не распивал хмельной мед в компании своего врага...

– И я не распивал!

– Не видел тебя на стенах, – саркастически ответил Мореход. – Так что подберите юбки и проваливайте.

– Они под моим покровительством, – прозвучал четвертый голос.

Женский, но низкий и гулкий, как удар храмового гонга. Гураб резко обернулся. За их спинами, как раз в том месте, где несуществующий деревянный причал переходил во вполне реальный металлический рейлинг, стояла высокая женщина в доспехах, со щитом и с копьем. Вместо женской головы ее плечи венчала белая башка огромной полярной совы. К щиту был приколот мертвый лик вопящей Медузы, в глаза которой смотреть определенно не стоило.

– И что дальше? – не сдавался Мореход.

Гураб внутренне хмыкнул – древний, как мир, жесткий, как канат из корабельной пеньки, Полынь не уступал даже воле Высших Богов.

– И дальше то, что ты возьмешь их на борт и доставишь куда нужно. Не упрямясь, Повелитель Ветров. Мы знаем, где ты прячешь свою жену.

«Как типично, – подумал Гураб. – Если Высшие не могут взять чего-то силой, то, конечно же, прибегают к шантажу».

Мореход некоторое время смотрел на богиню безо всякого выражения, а потом чуть склонил голову.

– Твоя воля, Паллада. Но боюсь, ты будешь разочарована.

Не сказав больше ни слова, он махнул рукой, приглашая спутников подняться на борт. Совиная голова щелкнула клювом и развязно подмигнула Бальдру.

Интерлюдия

Исток событий

В термах мерзостного замка Горменгаст Вельзевул, Король Мух, предается банными процедурам. Он расположился в калдариуме, в бассейне, наполненном парной кровью. Две ведьмы относительно приятной наружности поливают его из чана новыми порциями крови, смешанной с елеем и патокой. Мухи ликуют, облепляя хозяина, из-за чего Вельзевул смахивает на колонию копошащихся насекомых.

Обладатель рыжей курчавой бородки значительно хуже гармонирует с этим местом. На сей раз на нем серый деловой костюм, поверх которого накинута бархатная должностная хламида Синедриона. В бассейн гость Горменгаста не полез, а сидит на мраморной (предположительно) лавке, обтекая потом. Под задницу он подстелил свежий выпуск «Нью-Вавилонской Пчелы», желтейшего из городских изданий.

В помещении нестерпимо душно. Стены сочатся кровью. Воздух спертый и влажный. Черная кожа ведьм-прислужниц матово блестит там, где она не запятнана кровью, патокой и не засижена мухами. Их взгляды быстро перебегают с хозяина на молодого красавца-гостя. Ведьмы перешептываются и хихикают. Видимо, их суета надоедает Вельзевулу, потому что, рывкнув, он смахивает когтистой лапой

голову одной из ведьм с плеч и направляет прямиком себе в пасть. Громко чавкает. Вторая, лишившаяся подруги, на секунду застывает.

— Чего остекленела, проимандовка? — орет хозяин Горменгаста. — Давай три, а то тебя целиком пуцую на мочалку.

Тут он ухмыляется во всю свою зубастую пасть и трясет головой, приговаривая:

— Мочалку на мочалку, каково?

Он пялится на гостя. Арес, а это именно он, вежливо улыбается в ответ.

— Ну как там наше дельце? — вопрошает Вельзевул, почесывая раздувшееся брюхо. — Двигается?

— Двигается, — спокойно отвечает Эниалий. — Обвинение предъявлено. Жрецов уже пытаются в казематах Энлиля, храмы их веры скомпрометированы и теряют паству, но мне нужно больше фактов. Всем известно, что Астарот/Астарт не являл свой светлый лик со времен начала зимы Фимбул, как называют это мои асгардские родственники. Официальная версия гласит, что великий герцог гостит у своей сестры Эрришкигаль в подземном царстве Кур и пребывает в добром здравии. Что мы раскопаем на самом деле, если возьмемся копать?

Вельзевул возится в своем бассейне, как бегемот в грязи, попутно придавливая массивным боком вторую ведьмочку. Та исчезает под коричнево-красной поверхностью, и от нее остаются одни пузыри. Хозяин Горменгаста издает некие

звуки, смахивающие то ли на кудахтанье, то ли на утробный смех.

— О-о, что вы накопиаете... А хрен его знает, что вы накопиаете, Аналий. Я знаю, что шлюха наведалась к своему муженьку, с которым не спала до этого уже пару столетий. Она вошла в Пламя Бездны... и не вышла. Так что никакие Куры и подземные жители тут ни при чем. Хочешь копать — копай под Бельфегора и его потомство, чтобы их всех взяла чума. Полагаю, ты сделаешь это с радостью, я ведь в курсе, что ты чмоке-поке с Астаротом, когда та была еще богиней Иштар. И по слухам, жарилшь теперь ее сынка?

Арес мысленно считает до двенадцати, потому что Вельзевул сейчас ходит по очень тонкой грани — хоть совершенно о том не догадывается. В целом воителю плевать на оскорбления, изрыгаемые этой зубастой пастью, они значат для него не больше, чем жужжание мух, но сейчас демон ухитрился его зацепить. И все же Мушиный Король еще не исчерпал свою полезность.

— Могу я осведомиться, о, владыка лжи?

— Можешь, можешь, — хрюкает Бельфегор. — Можешь пойти и пососать у Собека. Кого ты тут назвал владыкой лажы, олимпийская собака? Да я самый правдивый на том и этом свете. Я никогда не лгу, потому что не имею в том нужды. Лгут только слабаки типа Бельфегора или твоей сестрички. Или тебя, если уж на то пошло.

— Разумеется, — рассеянно кивает Арес. — В тот момент,

когда Астарот/Астарт так неудачно посетил Пламя Бездны... Его приемный сын, Андрас, все еще томился там в заточении?

Демон пучит глаза, а потом снова раздражается смехом, теперь настолько громким и визгливым, что флестоны пыли и кишок сыплются с потолка, а мухи (те, что не увязли намертво в патоке), напротив, взлетают с недовольным гулом.

В это время, невидимая для собеседников и выжившая (как выясняется) ведьма-прислужница всплывает в бассейне фригидария. Хозяин замка обычно здесь не появляется, так как не любит прохладу, а потому эта часть терм относительно не загажена. Нет здесь и слуг. Сейчас по чистой воде бассейна расплзается мерзкое кровавое пятно. Ведьмочка поспешино вылезает по мраморным ступеням и ступает на мозаичный пол. Ладонями стряхивает с себя воду и ныряет в небольшое подсобное помещение, где ее ждет пушистый банный халат, а в кармане халата – ажурная морская ракушка. Приложив ракушку к губам, девица шепчет:

– Κύπριδα Πεννορρόδη, ἡ ταπεινοτάτη σὴ δοῦλη Σουφία ἀγγέλλει. Ὁ Πολεμιστὴς πάλιν ἐπὶ τῷ Δεσπότη. ἐρευνᾷ τὴν ἀφανίσationν τῆς Ἰννάνας. Ὁ Δεσπότης ὑποσύρει αὐτὸν κύκλῳ, ὥσπερ τὸν κριὸν ἐν τῇ ὑποταγῇ, ἀλλὰ οὐ δύναμαι ὁμολογῆσαι ὅτι ὁ Πολεμιστὴς πιστεύει τοῖς λόγοις αὐτοῦ...³

³ «Киприда Пеннорожденная, ваша нижайшая раба Суфия докладывает. Воитель снова у Хозяина. Он расследует исчезновение Инанны. Хозяин водит его

по кругу, как козу на привязи, однако я не поручусь, что Воитель верит его словам» (*архаич. греч.*).

Глава 7

Встреча в ущелье

Во-первых, за нами увязался шонхор Клаус. Он, видимо, не желал расставаться с любезным его сердцу полувороном, единственным живым существом, которое способно было хоть как-то коммуницировать с его сумрачным сознанием. Правда, не исключено, что настоятель Отто отправил Клауса шпионить за нами. Ничего исключать нельзя. Как бы то ни было, птицеящер парил над нами, то улетаая вперед, то возвращаясь, и все пытался примоститься на плечо Андрею, хотя сложно было представить плечо, на котором можно носить такого проглота. Присесть ему, понятно, не удавалось, и Клаус возмущенно орал.

Во-вторых, очень странные вещи творились с пространством и временем. Вроде бы мы только выехали, а уже наступил вечер, вроде бы солнце было на востоке час назад, а теперь жгло мою левую щеку с запада, но самая чудовищная чехарда происходила со звездами. В какой-то момент мы остановились. Идалы устало фыркали и тянулись за чахлой травой. Варгас поднял руку к небу и странным образом ее вывернул — он как будто намотал на кулак невидимые нити или струны и дернул, и мне показалось, что созвездия выстраиваются иначе. Я заморгал, а когда посмотрел снова, и звезда Лейтена, и Сириус уже были на месте, там же, где на

привычном небе степного Опала. Это он имел в виду под «исправьте»? Увольте, я так не могу и не уверен, что хочу.

В-третьих, не прошло и двух суток пути, как на нас – ну ладно, не на нас, моя персона этому миру глубоко безразлична, а на Андраса, – было совершено покушение.

Дело было так. Мы ехали по дороге, солнце уже клонилось к закату под новыми небесами, скучающий шонхор улетел вперед на разведку. Или, может, отправился поохотиться. Мы пробирались по гористой местности, на склонах я замечал козлов, похожих на среднеазиатских архаров. Они, конечно, для Клауса были крупноваты, но вот их потомство – вполне, или он мог полакомиться падалью. Андрей молчал. А я, по обыкновению, занудствовал.

– Насколько я понял, – говорил я, – все ваши родственники увлечены внутренними распрями. Люди для них – лишь орудия и пища. Но вы какое-то время были человеком, Андрей. Почему бы вам не позаботиться о людях? Остановить это противостояние, обуздать аппетиты демонов и богов. Дать им мир?

– Это так не работает, – коротко ответил Андрей.

Он даже не повернулся ко мне, а продолжал пристально наблюдать за склонами, окружившими дорогу с двух сторон. Что-то его там беспокоило. Стук идальих копыт гулко отдавался между отвесных стен ущелья.

– А как это работает? – возопил я. – Как?!

– А так, что люди живут счастливо или не счастливо, но

хоть как-то живут, ровно до того момента, пока кому-то из великих герцогов или жителей Эмпирей не придет в голову светлая мысль о них позаботиться, – раздраженно сказал Андрей, наконец-то оглянувшись на меня. – Пока их используют как орудия и пищу, жертвы есть, но они будничны и для человечества в целом терпимы. Но вот когда приходит забота свыше... О да, вселенную заливают кровью от края до края. Так что пусть о людях заботятся сами люди.

– А вы? – не сдавался я. – Что вы планируете делать со своими тридцатью легионами? Штурмовать Олимп? Туманный Берег? Замок своего отца? Месть никогда не была...

– Тише, – прошипел Андрей.

Увидев на моем лице недоумение и обиду, он все же изволил объяснить:

– Это поганые места, на границе реальности, Равнинного Храма и Миров Смерти. Если тут пролить кровь, ткань мира прорвется. Так что не мелите языком, пока мы отсюда не выберемся.

Впереди раздался крик шонхора.

– Назад! – гаркнул Варгас.

Шонхор налетел на нас, сверкая оперением и дико вереща. Идалы, хоть и привыкшие к нему за два дня, встали на дыбы. Точнее, конь Варгаса, черно-полосатый Сумрак, встал на дыбы, а мой Верный, каурый и обычно послушный, попятился, приседая на задние ноги. В скалах над нами глухо зарокотало. Затем звук стал громче, на дорогу посыпались

камни, сначала мелкие, потом крупнее, они катились, отскакивая и поднимая тучи пыли... Андрей, справившись с Су-мраком, крутанулся, схватил Верного под уздцы, и мы помчались обратно. За нами в ущелье с грохотом сходил склон горы...

* * *

В это же время сотней или около того ярдов выше по склону, на широком карнизе, Гураб на чем свет стоит клял Бальдра.

– Криворукий ты debil, – шипел он, пригнувшись за группой колючих акаций или очень похожих на них растений.

Бальдр, сияя виноватой улыбкой, топтался рядом. Его прекрасные кудри и длинные, почти девичьи ресницы были присыпаны белой пылью.

– Я велел тебе проследить за ним, а не спускаться на него гору, – злился ассасин.

Они прибыли на Опал или, вернее, в эфирные слои Опала двумя днями раньше. На невероятно красочном рассвете Мореход выкинул на берег небесного моря (стремительно превращающийся в засушливые предгорья) их поклажу, включая длинный лук, который зачем-то прихватил с собой Одинсон. Если он не спустил нежелательных пассажиров по трапу пинком, то лишь потому, что и здесь вполне могла про-

явиться грозноликая, покровительствующая Бальдру богиня. С тех пор они пробирались на северо-запад и вот уже полдня следовали за Вороньим Принцем и его спутником. Гураб все присматривался к Андрасу. Зрение у альва было куда острее человеческого, и все же он узнавал приятеля юности – и не узнавал. Впрочем, двадцать столетий поменяют кого угодно, взять хотя бы его самого. Невозможно было не узнать золотой меч у него за спиной, да и силу Истока в черных узорчатых ножнах не почувствовать было невозможно.

В остальном занятие это оказалось предсказуемо скучное, а для Гураба еще и нервирующее, потому что Бальдр постоянно предлагал то пристрелить неприятелей из лука – если не Андраса, то хотя бы его непонятную ручную птицу, – то пробраться к их лагерю и подлить в бурдюки с водой яда. Фальварк был ассасином, хоть и опальным ассасином. Для него убийство, как правило, состояло из долгого, порой мучительно долгого изучения цели, тщательного выбора времени и места действия, средств маскировки, путей отхода. Простоватость Бальдра его бесила.

– В лучшем случае ты его разозлишь, – терпеливо твердил он несостоявшемуся зятю. – В худшем – сдохнешь.

– Ничто не в силах убить Бальдра, – лыбился простофиля, – кроме разве что ветвей омелы, а данный экотоп не может похвастаться ее произрастанием. Проще, не растет омела в горах и пустынях.

– Придержал бы ты свой длинный язык, – шипел Гураб.

В этих местах, в узкой прослойке между реальностью, несбыточным и небывшим, могло произойти что угодно. Меньше всего он удивился бы омеле. В горах слышались странные отзвуки, тени бродили выше, в ледниках, на фоне вздыбившихся сераков. То и дело по ногам тянуло нездешних холодком, хотя солнце сияло в небе победно и резко.

В конце концов Фальварк решил разведать путь, потому что следовать за целью и его спутниками становилось все труднее. Все более отвесными были скалы, все более неверными осыпи под ногам. Лучше было опередить Андраса, ведь тот явно не мог выбраться из ущелья. Оставив Бальдра присматривать за дорогой внизу, ассасин начал ловко карабкаться вверх по склону, чтобы понять, нельзя ли спрямить дорогу. И вот пожалуйста.

Гул обвала еще затихал внизу, в воздухе висела мелкая пыль. Потенциальные жертвы бодро удалялись по ущелью, над ними летел проклятый предупредивший их птицеящер. Проход засыпало начисто, без парочки вооруженных лопатами големов тут было не прокопаться.

– Как ты вообще это сделал? – кисло спросил ассасин.

Не будучи божеством, он изрядно утомился без отдыха рыскать по горам. Неплохо было бы остановиться на пару часов и поесть, но место для стоянки явно получалось неудачное. Как знать, может, Вороньему Принцу придет в голову мысль вернуться и проведать, кто это пожелал упокоить его в каменной могиле.

– Сын Одина могуч, как корабельное правило, – радостно отвечивал Бальдр.

Гураб не понимал – то ли он со своей смерти и воскрешения дополнительно поглупел, то ли ловко прикидывался и просто насмехался над ним.

– Я обрушил огромную глыбу, кою не под силу поднять и десятерым мужам...

– Не было никакой глыбы, – рывкнул ассасин, – я бы услышал грохот. Был только шум оползня.

– А, – развел руками владетель Брейдаблика. – Ну, тогда, возможно, я тупо поскользнулся, пока следил за этими негодяями, и задел парочку некрепко державшихся камней...

Гураб зажмурился и сделал глубокий вдох, изо всех сил подавляя желание вытащить из складки рукава гарроту и проверить, не сможет ли она заменить омелу. Когда он открыл глаза, пустынный, заросший жесткой травой и кривыми от ветра деревцами карниз перестал быть таким уж пустынным. Напротив, он стал весьма многолюдным, если не считать того факта, что по большей части присутствующие были призраками.

* * *

...Когда мы вырвались из опасной зоны, Андрей повел себя странно. А именно, остановившись под прикрытием нависшей над дорогой скалы, спешил, вручил мне поводья

Сумрака и велел ждать. Сам же начал карабкаться вверх по почти отвесной стене с ловкостью кошки, куда ловчее, чем сползал по утесу в Мертвом Царстве, – это при том, что тогда у него за спиной не висел огромный и наверняка тяжеленный клинок.

– Куда вы? – окликнул я.

– На кудыкину гору, – зло отозвался он. – Посмотреть, кто решил нас похоронить и что им за это будет.

– А я?

– А вы ждите здесь.

Он не добавил «дурак колченогий», но что-то такое в его голосе читалось. Сумрак потянул повод – нашел где-то в ложбинке между коней пучок мха. Я поначалу пригорюнился, а потом поднял голову и уставился на шонхора. Конечно, тут пригодилась бы Эрмин. Странно. Странно, что я способен был думать о ней в таких практических терминах. «Пригодилась бы». Как будто она была просто случайным членом экспедиции, каким-то лингвобиологом, навязанным нам Кальдеррой, кем-то, чья смерть меня совсем не тревожила...

В общем, Эрмин с нами все равно не было, так что я взялся за дело сам. Не так легко, не будучи специалистом или очень сильным психиком, накинуть «путы» даже на обычную ворону в парке. Лучше всего определить это как «со-скальзывание». Сознание зверей – то, что заменяет им человеческое сознание, – ощущается глаже, тут меньше выемок и

борозд, за которые можно ухватиться, как если бы я имел дело с настоящим мозгом, а не с его электромагнитным слепком. Однако что-то мне помогло — то ли нужда, то ли новые, подаренные Варгасом демонические способности. Через полминуты глухой борьбы я подчинил себе разум шонхора и смог глядеть на мир его желтыми глазами. Правда, зрение у этих глаз было не бинокулярное, так что приходилось заставлять шонхора водить головой из стороны в сторону и кружить над горой, но вид определенно того стоил.

На широком скальном козырьке примерно над тем местом, откуда на нас полетели камни, происходили весьма странные дела. Один человек, в черном широком одеянии, напоминающем костюмы пустынных, но сидевшем куда более ладно, стоял у группы невысоких колючих деревьев. Второй, рослый молодец в чем-то типа доспехов греческого гоплита, длинноволосый и статный, отбивался от целой кучи... скелетов? Точнее было бы назвать это полуистлевшими трупами. Среди них были и рослые воины в кольчугах, с топорами и копьями, и какие-то карлики, и даже, кажется, слепец с луком — по крайней мере, он постоянно нащупывал что-то вокруг себя. Клаус видел их как бы в туманной дымке, в чем-то типа расплывчатой психической ауры, которая то рвалась, то вновь обретала четкие очертания, еще раз доказывая, что вся эта компания не принадлежит к миру живых. И все они как один пытались прикончить рослого красавца. Некоторые метали в него дротики и топоры. Другие

резали ножами. Один, громадный, с некогда пышной рыжей, а теперь свалывшейся и клочковатой бородой на лице-чере-пе, охаживал молодого человека по голове невероятных раз-мером молотом. Юноша вяло отмахивался, явно не пони-мая, что происходит. На лице его было написано глубочай-шее изумление. Что самое невероятное – или, напротив, ло-гичное, если считать, что нападавшие были лишь сборищем теней, – никакого ущерба здоровью они не причиняли, кро-ме психологического.

Стоявший у деревьев человек в черном одеянии сложил руки на груди и явно забавлялся происходящим, ничуть не стремясь выручить своего товарища. Так и шло до того мо-мента, пока на сцене не появился Андрей. Даже не пытаясь скрываться, он вынырнул из-за скального плеча и легкой по-ходкой направился к собравшимся на карнизе. Тут человек в черном мгновенно подобрался, напрягся, проделал какой-то пируэт... Клаус не уловил его движения, но, кажется, что-то мелькнуло в воздухе над толпой. Варгас, не глядя, вскинул руку, и ножи, или лезвия, или стрелы, что там метнул в него убийца в бурнусе, бессильно упали на землю. Зато самого убийцу подкинуло в воздух, как от хорошенького удара, и приземлило ровно в колючий куст. Хорошо так приземлило. Колючки пронзили его тело, показалась кровь. Он задергал-ся, пытаясь выбраться, но только насадил себя еще основа-тельной.

Между тем рослый юноша тоже заметил Варгаса. Он по-

пытался выхватить короткий меч, висевший в ножнах у него на поясе, но не тут-то было, потому что вокруг него по-прежнему мельтешили призраки. Два карлика, например, упали на землю и грызли его ноги, а высокий одноглазый старик извлек откуда-то то ли посох, то ли сломанное копье и хорошенько попотчевал его по спине.

Андрей ухмыльнулся. Это была нехорошая ухмылка. Впрочем, это не было ухмылкой демона – я ее узнал. Так он улыбался еще на Земле, во время неожиданных приступов своего темного веселья... хотя не являлись ли и они проявлением засевшего в нем нечеловеческого существа? Как бы то ни было, он решительно направился к мертвому слепцу, который все шарил вокруг себя руками – может, пытался нащупать молодого красавца и тоже чем-то его огреть или пустить в него стрелу из своего лука...

* * *

Гураб заметил демона почти сразу. Тот и не скрывался ничуть, словно все происходящее не представляло для него ни малейшей опасности, зато доставляло массу изысканного удовольствия. Не так он планировал встречу с губителем сестры, совсем не так. А как? Фальварк внезапно сообразил, что очень часто представлял, как вонзает клинок демону между ребер, прямо в сердце или в печень, или перерезает глотку, и жгучая черная кровь струей хлещет в лицо ему,

Амроту Прекраснокудрому, которого этот ублюдок сделал Гурабом Фальварком. Он умывается этой кровью, смывает ею два десятка бездарно прожитых веков, весь позор, все горе, все унижение... Но что вело к этой встрече? Как она произошла? Как полудемон очутился в его власти? Он, ассасин Башни Ворона, тщательно планировавший каждый свой ход, этого не видел. Никогда.

Тело среагировало само, как всегда реагировало на опасность, и клинки-перья рассекли воздух, только на сей раз они никого и ничего не поразили. Зато сам Фальварк ощутил невыносимой силы удар. Его смело с ног, подняло в воздух, и в следующую секунду он уже барахтался в зарослях проклятой акации, все глубже нанизываясь на иголки, словно оказался бессильной жертвой убийцы-сорокопута. Что самое печальное, это не помешало ему видеть происходящее. Как демон, улыбаясь очень знакомой улыбкой (с такой улыбкой он поднимал в Городе-под-Холмом бокал за счастье и здоровье будущей молодой четы, Фрейи и Бальдра), подошел к призраку Хеда-слепца и что-то шепнул ему на ухо, и помог натянуть лук, и протянул стрелу, стрелу из омелы.

– Нет! – заорал Гураб. – Брат, беги!

Кажется, он впервые назвал Бальдра братом. Одинсон задергал головой, замахал руками, пытаясь рассеять толпу осаждавших его призраков. Стрела пропела в воздухе и пронзила его правое плечо. Хед наложил на тетиву вторую стрелу, все так же слепо водя своим юным лицом. Фальварк от-

куда-то понял, что эта будет смертельной.

– Пощади! – выкрикнул он, обращаясь к демону. – Оставь ему жизнь, и мы никогда не будем тебя преследовать.

Бальдр полусидел-полулежал, пытаясь вырвать из плеча стрелу. Его красная, очень красная кровь стекала на жесткую траву. Призраки, толпившиеся вокруг, – все эти асы, и ваны, и даже отвратительные карлы Мотсогнира, – жадно набросились на кровь, слизывали ее с земли, с травинок, и от каждой капли их бледная мертвая плоть наливалась все большей силой и реальностью.

Андрас обернулся к нему, и Гураб вздрогнул бы, если бы не был так надежно распят на акации. Он помнил глаза демона, тот взгляд, что полюбила Фрейя, тот, что втайне нравился и ему. У молодого князя Бездны и у его старшего брата глаза были черные, с облаком кружащихся в них звездных искр – такие же, как у матери Абигора и мачехи Андраса, Астарота/Астарты. Теперь глаза Вороньего Принца полыхали пламенем разгорающегося пожара, и Гураб впервые задумался, помимо собственных обид, а что же перенес приятель его юности – здесь, во время заключения в подземных казематах Пламени Бездны, и там, в Мирах Смерти?

– Ты считаешь, – все так же улыбаясь, проговорил Андрас, – что этого будет достаточно?

Он по-прежнему стоял рядом с лучником Хедом и по-прежнему направлял его стрелу на Бальдра.

– Не унижайся перед ним, брат! – выкрикнул тот. – Я уже

принимал смерть из этих рук, приму и еще раз. Сладкоголосые девы в чертогах Брейдаблика будут славить мою героическую кончину, и сама Паллада поднимет кубок фалернского и уронит скупую слезу...

Вторая стрела, вонзившаяся в бедро, заставила его замолчать.

– Чего ты хочешь? – глухо сказал Гураб.

– Для начала, чтобы ты перестал прикидываться тем, кем не являешься. Единственный Ворон тут я, Амрот. А дальше вы оба дадите мне клятву верности, скрепленную кровью, – или я скормлю вашу кровь этим мертвецам, а то давно, вижу, никто их не баловал.

Сверху заорала разноцветная огромная птица, которая сопровождала Андраса и его спутника в их походе. И внезапно Гураб – нет, Амрот – ощутил облегчение. Он так давно носил в себе эту ненависть. А теперь ее можно было просто скинуть, как плащ ассасина. О, как соблазнительно было бы вновь встать с Андрасом плечом к плечу, словно давным-давно, на стене крепости Ард-Анор, на Туманном Берегу... Этот соблазн преодолеть было куда труднее, чем все искушения Альфхейма и Ванахейма, сложнее отринуть, чем сладкие посулы бессмертия от жителей Дита, невозможней, чем обещания власти от Князей Бездны.

– Нет, – сказал он.

– Ну, как пожелаешь, – ответил Вороний Принц и отвернулся к Хеду.

Тот вновь натянул лук. И тут нелепая, как раскрашенный гриф-переросток, птица ринулась с небес на своего хозяина, возмущенно хлопая крыльями и надсадно каркая. В ее воплях Гурабу – видимо, от потери крови из-за десятков мелких ран сознание уже начало мутиться, – слышался вполне человеческий голос, и голос этот твердил: «Не делайте этого, Андрей, прошу, нет!»

Глава 8

История маркграфа Андраса, или Яблоко Раздора

Вечером мы все сидели у костра (о боги и демоны, сколько раз мне еще повторять эту фразу? Мне, который и на природе-то бывал разве что в компании отца и сестер в Сауттемптоне в далеком детстве и позже с компанией приятелей по колледжу, но тогда мы были в доску пьяны и не отличили бы болота от зеленого луга). Бальдра я перевязал, да и вообще на этом юнце неведомо скольких тысяч лет от роду все заживало как на собаке. Призраков в итоге пришлось разгонять Андрею, потому что за время их с Амротом беседы те успели основательно налакаться крови Бальдра, преисполниться сил и совсем не желали удаляться обратно в небытие.

Что меня поражало – так это то, как трое моих попутчиков, еще пару часов назад готовых глотки друг другу перегрызть, теперь сидели плотной компанией, жарили на костре мясо отловленного Клаусом козленка, пили вино (Бальдр превратил в него воду из бурдюка, но получилась отвратительнейшая кислятина) и трепались, словно закадычные друзья детства на встрече выпускников. В каком-то смысле это, конечно, так и было. И альв-ассасин, и молодой бог, и Андрей-Андрас – они знали друг друга очень давно. И ка-

жется, у этих существ вражда очень быстро переходила в дружбу, ненависть – в любовь, как, впрочем, и наоборот.

Бальдр, преисполнившийся ко мне самыми теплыми чувствами после того, как я его перевязал и накормил извлеченным из волшебного рюкзака обезболивающим, решил взять меня под свое покровительство. Он уселся рядом, оберегая поврежденный бок, то и дело подсовывал мне бурдюк с фалернским и болтал без умолку.

– Обуздать Андраса, когда тот уже занес руку для убийства! – шумно восхищался он. – Да я бы скорее поверил, что можно остановить на лету молот Тора. О, благородный смертный, о, величайший из лекарей, о, светило! Истину говорю, вся мудрость моего отца, и все красноречие Локи, и сила десяти конунгов, и их удачливость...

– Он уже не смертный, – оборвал его излишества Андрей, прихлебывая из бурдюка. – Так что не заговаривай ему зубы. Скоро они, возможно, станут острее твоих.

– Тем паче, тем паче. Асклепий будет грызть свои горькие лечебные корешки от зависти...

Андрей и Амрот одинаково скривились – похоже, за сотни или тысячи лет знакомства велеречивый бог успел надоесть им хуже горькой редьки. Они обсуждали вполголоса какие-то свои дела, а потом и вовсе отошли из круга света в темноту, покидав полуобглоданные кости Клаусу. Бальдра их уход только взбодрил.

– Сотни вопросов томят мою душу, – энергично начал

он, но я отнюдь не собирался снабжать его информацией об Андрасе, а наследник Одина явно на это и рассчитывал.

– Если вы мне действительно благодарны, – перебил его я, – то я попрошу вас об одной услуге.

– Да я корни Иггдрасиля вырву и завяжу узлом, чтобы тебе угодить! – возопил Бальдр и, кажется, вознамерился поймать мою руку и прижать к сердцу.

Руку я отобрал и сказал:

– Видите ли, я мало что знаю о жизни Андрея... Андраса. Как я понимаю, он бежал в мой мир или был изгнан, у него конфликт с отцом и что-то случилось с его матерью и с девушкой, которую он любил...

На секунду лицо Бальдра помрачнело, и он утратил сходство с тем добродушным простаком, который только что уверял меня в своей непомерной признательности. Но миг – и все вернулось, будто туча заслонила солнце и пронеслась, гонимая ветром.

– Значит, Вороний Принц тебе ничего не рассказывал, – удивленно, как мне показалось, протянул молодой бог. – Как же так? Самому верному своему приспешнику – и ни слова? Непорядок, непорядок.

– Так просветите меня.

К моему изумлению, он подошел к делу крайне серьезно, а именно достал из своей сумы что-то вроде доски или примитивной скрипки с тремя струнами, с выжженными на ней узорами, и смычок. Водя по струнам смычком – звуки при

этом получались такие, словно в скалах завывал голодный койот, – божественный песнопевец поведал мне примерно следующее:

Зорко смотри,
Путник, внимай,
Древнему слову,
Из глубины,
Волн и времен
Весть доносящему.

Враны и вы,
Вепри строптивые,
Что корни роют
Древа Иггдрасиль,
Пасти закройте,
Пусть Стойгнева клятва
Станет молчанием.

Пусть обратится
Пылью минувшее,
Ибо в одном
Зраке творящего,
Вещего, сущего,
Дивного ворона
О двух головах,

Стены и крыша
Неба высокого,

Слушайте речь

Наследника Одина...

Я уже почти задремал, то ли от монотонных завываний скрипки, то ли от выпитого фалернского, то ли от его заунывных речей, когда из приятного полусна меня выдернул осязаемый пинок. Вскинув голову, я обнаружил, что практически лежу в костре, еще немного – и разделю судьбу горного барашка. По другую сторону кострища Варгас меланхолично, даже без особого гнева, ломал доску-скрипку о голову песнопевца. Бальдр только жалобно покрикивал. Рядом со мной стоял ассасин и мерзко улыбался.

– Это его любимый прием, – поведал мне он. – Заговорить зубы, заморозить песней. Не утверждаю, что он потом намеревался полакомиться вашим мясом, или иным способом воспользоваться вашим телом, или даже заставил бы вас выдать тайны господина, но все возможно.

– Какую тальхарпу сломал, – сокрушался Бальдр, собирая обломки своей бандуры. – Сам король dwarфов Свартфлафи вошил ее струны.

– Струны тальхарпы не вошат, – возразил Андрей, усаживаясь как ни в чем не бывало и прикладываясь к бурдюку. – Их делают из конского волоса, а ты, сладкоголосый ублюдок, если еще раз попробуешь причинить вред Томасу, окажешься там, куда Хель волков не гоняла.

– Узнаю моего старого приятеля Андраса! – радостно от-

кликнулся сын Одина. — Да я же просто проверял тебя. Думал, ты стал мягок, будто коровье масло, ты ведь раньше не щадил никого. Но нет, вижу, рука у тебя по-прежнему тверда, как дышло телеги...

— Заткнись. Томас, ты хочешь узнать, как все начиналось?

Он смотрел на меня. Мне оставалось только кивнуть в ответ. Дальше я приведу его рассказ, возможно, в чуть сокращенном виде и с моими ремарками, хотя многословным его я бы в любом случае не назвал. Вся история уложилась в одну короткую южную ночь, один бурдюк с кислым фалернским, а казалось бы, должна была занять эоны...

* * *

...Мую мать звали Яфит, и она была избранной Астарота/Астарты, любимой его жрицей. Она была столь высоко вознесена, что часто гостила в Пламени Бездны, родовом замке моего отца Бельфегора. Там же часто гостил и ее хозяин, и некоторые даже называли их с Бельфегором супругами. Как бы то ни было, Великий Герцог увлекся молодой жрицей, но вот незадача — та понесла, и пифии, все как одна, предрекли, что его дитя от смертной погубит и Бельфегора, и саму Бездну. Поэтому или по другой причине Бельфегор проглотил мою мать и некоторое время думал, что проблема решена...

* * *

Боги, и это я считал свои отношения с отцом и дедом сложными. Что ж, у каждого свой масштаб.

* * *

...Но, видимо, я и в зародышевом состоянии отличался упрямством. Через некоторое время Бельфегор начал заметно полнеть, но списывал это на свое обжорство. А еще через какое-то время ему стало совсем нехорошо. Живот так и ходил ходуном, причиняя ему немалые муки. Бельфегор выл и катался по полу, пока Астарот/Астарта, уж не знаю, из милосердия ли или по другой причине, не решил избавить его от страданий. А именно схватил первый попавшийся меч и распорол ему брюхо, откуда и вывалился я. Вот этот самый меч...

* * *

Тут он наполовину вытащил из ножен свой черный клинок, чье матовое лезвие никогда не блестело – даже в ярком свете костра.

* * *

...поэтому во всех мирах он зовется Истоком. Мой отец, мгновенно излечившись от недомогания, уже собрался по-жрать меня во второй раз, только для верности основательно перемолов зубами, но Астарот/Астарта это ему не позволил. Может, потому, что за всем происходящим наблюдал мой старший брат Абигор, прибежавший на крики. Он тогда еще не вышел из детского возраста, и увиденное поразило его настолько, что он после этого две сотни лет не говорил ни слова. Что касается меня, то Астарот/Астарта забрал меня в свой замок Ашшур, где я и вырос, и воспитывал меня, заменив и отца, и мать. С Бельфегором они после этого порвали, а бедняга Абигор так и остался с незалеченной травмой.

* * *

Мне к этому моменту уже хотелось нанять психотерапевта и как минимум двух клинических психиатров, так что душевное расстройство несчастного Абигора ничуть меня не удивило.

* * *

...Когда я немного подрос, Астарот/Астарта вручил мне этот меч и обещал подарить еще более могучий клинок на совершеннолетие. Я был подростком и не желал ничего другого, кроме славных битв и обильных жертв в мою честь, но войны, как назло, тогда не было. Зато были легендарные балы и пиршества в Фэйри, в Городе-под-Холмом, на нейтральной земле, куда были вхожи и боги, и демоны, и ваны, и альвы. Там мы все и познакомились.

* * *

Тут он кивнул на Амрота и Бальдра, и те кивнули в ответ. Амрот был мрачен. Бальдр, как всегда, улыбался, но улыбка эта выглядела фальшивой.

* * *

...Бальдр был помолвлен с сестрой Амрота, Фрейей, но мы с ней сразу друг другу понравились. С этим ничего нельзя было поделать. Думаю, в итоге все бы смирились, помолвка была бы расторгнута...

* * *

Улыбка Бальдра стала настолько натянутой, что тронь – и лопнет.

* * *

...И тут в Ашшур приперлись Афродита Киприда, Фрейя – не моя Фрейя, а ее именная покровительница, царица Ванахейма, – и Афина Промакос. Не знаю, о чем там они судачили, но, когда позвали меня, эти дуры уже делили золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». В общем, Томас, все почти как у вашего Гомера, только взаправду. Довольно скоро Астароту/Астарте надоело слушать их бабий визг, и он позвал меня. И попросил, чтобы я вручил яблоко самой красивой из них. Склочницы тут же принялись меня искушать, Афина воинской славой, Фрейя любовью своей избранной, а Афродита, недолго думая, вывалила сиськи и начала ими передо мной трясти. Я был юным гордецом и считал, что славы с меня и так довольно, Фрейя и так влюблена в меня по уши, а престарелые прелести Киприды не могли сравниться с нежными персями моей возлюбленной. Ну, я и решил им насолить, да и мастерством мечника хотелось похвастаться. В общем, я подкинул чертово яблоко и на лету дважды его

располовинил мечом. Три четвертинки я раздал ошалевшим от такой наглости богиням, а одну – вот это уже было полным идиотизмом – вручил Астароту/Астарте.

* * *

Я лично не нашел в его поведении ничего предосудительного. Судя по рассказу, Астарот/Астарта был двойной сущностью, с мужским и женским лицом, и для юного Андраса играл роль и материнской, и отцовской фигуры. А какой мальчишка не считает самой прекрасной на свете собственную мать?

* * *

...В итоге он выгнал меня из Ашшура, так что пришлось тащиться в замок отца и просить приюта у Абигора, с которым мы были дружны. А между Эмпиреями и Бездной разразилась очередная война. Так получилось, что воевал я сначала на стороне Бездны...

* * *

При этих словах выражение лица Амрота, за которым я внимательно наблюдал, стало ледяным – словно он вновь

увидел приятеля юности, штурмующего с тридцатью легионами бесов стены его твердыни.

* * *

...Бельфегор был одержим идеей взять Туманный Берег и перенести войну в реальность, чтобы раз и навсегда разделиться с Эмпиреями. Он готов был положить жизнь моего брата на это, потому что один штурм за другим были неудачными, Абигор терял свои легионы, а теряя их, терял и себя. И я пришел ему на помощь, сменил его у стен. Мои атаки были куда успешней. Только Амрот оставался на другой стороне, а с ним и его сестра, которую он почему-то не отправил в безопасное место...

* * *

Тут альв и демон скрестили взгляды, и Амрот первым отвел глаза.

– Я не мог ей ничего приказать. Она была избранной богини, духом Ард-Анора, его светлым пламенем. С ее уходом крепость бы неизбежно пала... – тихо произнес он.

– Но она же и так пала? – на свою беду вмешался я.

Какую-то секунду мне казалось, что перья-ножи сейчас полетят в меня, но он сдержался.

– Она не пала. Ее сдали.

– Мы договорились, – мрачно пояснил Андрей.

Он вертел в руках свой клинок в рунических ножнах, и только сейчас я заметил, что по рунам как будто пробегают язычки пламени. Когда это началось?

– Мы с Фрейей. Мы были глупы и были почти детьми. Нам казалось, что если я встану на защиту крепости, если мы будем вместе стоять на ее стенах – война закончится навсегда. Отец поймет, что ему никогда не взять Туманный Берег. Все успокоится. Мы сможем жить счастливо. Я сейчас даже не могу вспомнить или понять, почему мы так искренне в это верили.

Он замолчал. Молчал и Амрот, и даже Бальдр молчал, хотя это было ему совершенно несвойственно. Трещал костер. Чавкал костями Клаус. Где-то в горах или в пустыне за ними был койот, или шакал, или призрак загубленной тальхарпы. Над нами светили звезды Опала, но, кажется, мы были не на Опале, а черт знает где – может, в рассказе Андрея, может, все мы были еще нерасказанной его частью.

– И что дальше? Что пошло не так? – спросил я.

– Да, что же пошло не так? – издевательски повторил Амрот.

Андрей пожал плечами и подкинул веток в костер. Маслянистая акация ярко вспыхнула, вверх взметнулся столб искр.

– Я же говорил. Я был глуп, юн, влюблен. И, видимо, слишком доверчив. Отец согласился с моими условиями и

позвал меня на переговоры. И я поехал, потому что Абигор поклялся честью, что ни мне, ни Фрейе, никому на Туманном Берегу не причинят вреда.

– И ты, конечно, поверил демону и сыну демона, – выплюнул Амрот.

Андрей поднял голову и взглянул в небо. Сейчас он выглядел намного младше, чем был на Земле, в моем мире, младше и уязвимей, что ли? Хотя я понимал, что впечатление это обманчиво, что маркграф Бездны Андрас куда опасней полковника СБ Андрея Варгаса, несмотря на все темные чудеса и перепады настроения последнего. Просто он был сильнее. Очень силен, вероятно, очень обижен и куда менее сдержан. *«Что тогда? Хочешь ощутить себя червем, невзначай раздавленным пятой бога?»* Эрмин, Эрмин, как ты была права. Как мне не хватает тебя, Эрмин.

– Поверил, – не споря, ответил Андрей. – Мне хотелось верить. Я выехал из Ард-Анора, взяв с собой только небольшой отряд. Тем же вечером отец со своими легионами и легионами Абигора захватил Ард-Анор. Он продержался недолго, потому что на защиту крепости пришли все, от богов до духов стихий, даже Мореход был там. Недолго, но достаточно, чтобы сжечь все почти дотла и захватить Фрейю.

– Потому что я поехал с тобой, – голосом ровным, как крышка гроба, произнес Амрот.

– Потому что ты поехал со мной, – подтвердил Андрей.

– Я был там, – вмешался Бальдр. – Я был там с войском

Асгарда, когда мы отбивали Ард-Анор. И тоже не успел.

Они замолчали, все трое. Я уже не ждал, что услышу конец этой истории, но Андрей, сломав колючую ветку, которую до этого все крутил в руках, договорил:

– Отец пообещал, что отпустит ее, если я сдамся. Глупо было поверить ему, но выбора у меня не было. Он замучил бы ее – быстрее или медленней. И я пришел в Пламя Бездны. Бельфегор ее, конечно, не отпустил. Он убивал меня каждый день, и ему все не надоедало. Фокус Пламени Бездны в том, что это мой родовой замок – там я мог бесконечно развоплощаться и воплощаться, хоть вари меня в кипятке, хоть сжигай на костре. Он попробовал, кажется, все. Что хуже, Фрейя тоже на это смотрела.

Тут ассасин привстал, и на лице его промелькнуло что-то – ожидание, страх, надежда?

– Да, Амрот, – подтвердил Андрей. – Твоя сестра жива или была жива. Сначала она рыдала и просила Бельфегора меня пощадить. А потом уже только смеялась и требовала поддать огня.

– Как ты выбрался? – прошипел альв.

– Я не помню. К тому моменту, как я убрался из Пламени Бездны, у меня в кукушке свистело сильнее, чем у Бальдра в карманах. Я совершенно не помню ни как это сделал, ни как оказался в Мирах Смерти, ни как...

Он замолчал, но я мысленно договорил за него «угодил в гномий меч». Хотя был ли вообще этот огромный золотой

клинок гномьим? Для чьей руки он выкован? Вряд ли его было под силу поднять человеку, даже князю Гардарики и отдаленному потомку Одина... и откуда у меня в голове взялись эти мысли?

Между тем Амрот тоже что-то говорил, и что-то явно недружественное.

– Зато все мы помним, – тихо и зло говорил он. – Помним, как Астарот/Астарта ушел, и на Земле настала зима Фимбул. Как вымирали целые города, как снег похоронил под собой материки. Как ослабла вера в богов, и как хохотали демоны, купаясь в кровавых жертвах. Как боги ушли на Марс с теми, кто в них еще верил, а по Земле ходили Глад, Война, Мор и обезумевший Вороний Принц с двумя мечами, и ничто не могло их остановить. Как ловко ты все это забыл, мой названный брат.

Вороний Принц молчал. Небо над нами стремительно бледнело – дело шло к рассвету.

* * *

Утром Клаус нашел нам другой путь по лабиринту каньонов, ведущих через горный хребет на север, к Байнат-Бара, а потом через безводные равнины к самому Тавнан-Гууду, верховной ставке или стольному граду госпожи Ылдыз-на-ран. Бальдр хромал и всячески делал вид, что прямо сейчас и помрет, но я уже ни в грош не ставил его жалкое ак-

терство. Андрей заставил их с Амротом тащиться впереди, под неусыпным присмотром нашего птицеящера. Сами мы верхом следовали за ними. Идалы переступали неспешным шагом. Похоже, вчерашнее приключение изрядно поубавило им прыти. Кроме того, отчего-то здесь, в сухих горах, где толком не было ни растений, ни живности, нас осаждали полчища жирнящих мух. Кони отмахивались хвостами, прядали ушами и нервничали.

Мы немного отстали, и, убедившись, что нас не слышат, я открыл рот и изрыгнул очередную нелепость.

– Сочувствую вам, Андрей, – сказал я.

Он обернулся ко мне, заломив бровь и ничем сейчас не напоминая вчерашнего мальчишку-полудемона, зато очень и очень смахивая на моего давнишнего приятеля Варгаса.

– Вы о чем?

– Ну, я... сочувствую... – промямлил я. – Очень трагичная история.

Он негромко и не слишком приятно рассмеялся.

– Господи, Томас, вы никак не распрощаетесь со своей наивностью, как Киприда – с вечным девством. Вы что, реально купились на всю эту чушь?

– То есть, – непонимающе мотнул головой я, со стороны, вероятно, напоминая отгоняющего мух Верного, – это все были выдумки? Но как же, ведь Амрот и Бальдр...

– Это не было выдумками, – отрезал Варгас. – Но и правдой не было. Это история маркиграфа Андраса, давняя, пла-

чевная и глупая.

– Но...

– Но я не маркграф Андрас.

Я заморгал, окончательно утратив понимание. Он смотрел на меня неприязненно и жестко.

– Томас, вы что, решили, что я выхвачу из ножен меч, пришпорю коня и понесусь рубить голову Бельфегору или спасти прекрасную Фрейю?

– Ну, примерно так я и подумал...

– О боги. Конечно, нет. Это было в далеком прошлом. Причем даже не в моем прошлом. Вы помните, о чем меня спрашивал этот ублюдок Иамен? Я не солгал ему. Меня зовут Андрей Гарсия Варгас, мой брат – Лео Варгас, мои родители – Марта и Антонио Варгасы, а не какие-то в жопу трахнутые демоны. И если я кому-то и собираюсь снести башку, то не этим древним реликвиям, до которых мне нет никакого дела, а твари, которая меня вот в это превратила. А потом еще и сбежала сюда, и заставила меня прийти в этот мир, и плетет какие-то темные интриги. Да я готов поспорить, что нашествие Плясунов – тоже его работа!

Вот теперь он был по-настоящему зол. Не вчера, когда говорил о поражении, пытках и предательстве. Сейчас и здесь.

– Вы об...

– Об атланте. Светоносном. Люцифере. Да хоть горшком его называйте. Вот его я найду и выпущу наконец кишки. Я упустил этого гада на Сердолике, а следовало прикончить

его еще тогда.

Я снова замотал головой, как подраненный идал.

– Варгас, я не понимаю. Он, конечно, причинил вам боль, чуть не убил вашу женщину и вашего брата... но ведь он и подарил вам это могущество.

– Ничего он мне не дарил...

Лицо Андрея перекосилось, и он наверняка кричал бы, если бы не волочившиеся впереди нас бог с ассасином. Сейчас он говорил негромко, но голос его звенел.

– Демон прятался во мне с самого детства, Гудвил. И ему было отлично, тихо, спокойно, он и не пытался вылезти на поверхность. Не вылез бы, если бы атлант не захотел меня убить, если бы чертов ублюдок в пустыне не сунул мне в руки Исток... Включите голову, Том. Зачем ему это? Он прятался в мече. Он прятался и во мне. Ему еще десять тысячелетий никого бы не видеть и не знать. Он нашел мальчишку с бездонным колодцем...

Тут он снова тихо и неприятно рассмеялся.

– В колодце с колодцем, какой каламбур. Тот Андрей был славным пареньком с огромным Даром. Даром вызывать страдания и питаться ими, а Андрасу только того и надо было. Демоны жрут гаввах. Он сидел во мне, посасывал свою ману и ничего не хотел. Может, у него даже была депрессия...

Глаза Варгаса так яростно блестели, что казалось, лучи пламени вырвутся сейчас из них и спалят горный склон до

самого скального основания. Я вспомнил о своем вчерашнем желании прибегнуть к услугам психиатра и очень пожалел, что в этом мире их, кажется, не водится.

— Но этим двум кретинам — я не о тех, что бредут впереди, — непременно надо было его пробудить, — все еще бушевал Андрей. — И я не могу корить беднягу Андраса. Он же просто хотел помочь своему вместилищу, своим ножнам...

Я перевел взгляд на меч за его спиной. Что-то в моем мозгу начало проясняться и складываться, и, видимо, это отразилось у меня на лице, потому что Варгас осклабился.

— Наконец-то до вас дошло. Ему не нужны ножны, потому что его ножны теперь — это я.

Тут он резко замолчал и, прищиприв идала, за несколько секунд поравнялся с ковыляющими впереди героями. А я так и остался мешком сидеть на своем кауром, отвесив челюсть, потому что мой мир — уже в который раз за последние несколько месяцев — опять перевернулся с ног на голову.

Эпилог

Афродита Киприда

Афродита ненавидит несколько вещей. Во-первых, она ненавидит, когда ее называют Астартой – потому что это имя уже занято ее вечным соперником-двойником, совершенно мерзкой, по мнению Пенорожденной, сущностью. Что за извращение совместить в себе два лица, Лик Любви и Лик Войны? Во-вторых, она ненавидит смотреться в зеркало. Будучи дочерью Урана, она самая старшая из нынешнего поколения олимпийцев и приходится Громовержцу теткой. А вдруг предательское стекло ее выдаст? Вдруг на вечно юном капризном личике проступят морщины, утратят пышность, густоту и здоровый блеск волосы, отвиснут груди, вдруг стан ее согнется, как у дряхлой карги? Нестерпимая мысль, но смотреться приходится ежечасно, надо же поддерживать себя в форме. Также она ненавидит свою двоюродную внучку, Афины Промехос. Разумеется, не потому, что та красивей ее. Что красивого в совиной башке? Да и человеческая выглядит довольно потасканной, меж бровей пролегли жесткие вертикальные морщины... Мерзость, мерзость для столь молодой еще женщины. Афродита ненавидит плоды манго на завтрак – никогда не умела их чистить. Ненавидит вчерашний нектар. Ненавидит свою вечную девственность – тут либо ори от боли при каждом совокуплении, либо не мойся.

Ненавидит передачи о пластических операциях. Если вдуматься, она ненавидит практически все, но сильнее всего – Астарота/Астарту. Еще и потому, что у соперницы, и это при ее-то декларируемом мужском превосходстве, был сын, даже двое красавцев-сыновей, если считать приемного. Афродите в этом плане похвастаться было нечем. Эрот? Этот был годеи только палишь во все стороны из лука, не думая о последствиях. Вдобавок он сгинул страшной зимой Фимбул, сгинул в том числе и потому, что знал слишком много тайн своей матери. Например, тот прелестный случай, когда мальчишка пробил одной стрелой сердце полудемона и княжны Альфхейма, и все по ее, Афродиты, наущению... Ее маленькая месть, обернувшаяся большой, невероятной удачей. Что ж, Эрот покинул сей мир, как ни прискорбно. Крылышки замерзли, всей птичке пропасть. Деймос и Фобос? Увольте, это же просто глыбы безжизненного камня, вращающиеся в космической пустоте далеко под Эмпиреями. Гермафродит жалкий извращенец, Приап – урод с вечно стоящим членом, и так до бесконечности. Никто из них не стал бы защищать ее или оплакивать ее кончину, если уж на то пошло.

При мысли о кончине губы богини раздвигаются в улыбке, которую большинство мужчин нашли бы манящей, а большинство женщин – отталкивающей. Интересно, что думал об ее улыбке проклятый Астарот/Астарта? Вспоминал ли в свой смертный час? Сожалел ли, что остался единственным, кто не поддался ее чарам? Впрочем, нет, не единственным,

еще этот его заносчивый младший сынок – хотя за него она даже не принималась еще по-настоящему... Ах, как, наверное, владетель Ашшура кипел в душе, когда мальчишка вручил ему ту четвертинку золотого яблока. Он так гордился своей мужественностью, так цеплялся за нее, и тут на тебе – «Прекраснейшая»! Да, это был невероятно изящный ход, это она – обычно не слишком богатая на выдумки – прямо отлично придумала. Как хорошо, что то яблоко завалялось с незапамятных времен... Но, конечно, вторая задуманная ею комбинация, со стрелой малыша Амура, была намного, намного изящней, а третья будет лучше их всех. Здесь даже не требуется ни яблок, ни стрел – просто подвигать золотые и черные фигурки на доске для игры в пельтасту, которой время от времени тешились олимпийцы в Дионе. Пламя войны само охватит и мир людей, и эфирные слои, а там, где война, там царство ее супруга и господина. Бездна и Эмпиреи уже так давно рвутся к этой новой войне, что сдвинь один камешек, одну легко вооруженную фигурку, и нарушится шаткое равновесие...

Киприда заливается негромким мелодичным смехом, очень волнующим, если, конечно, вы цените подобные вещи. Ажурная морская раковина на ее туалетном столике тихо брякает, словно от удара волны. Богиня подносит ее к уху и слышит следующее:

«Κύπριδα Πεννορρόδη, ἡ ταπεινοτάτη σὴ δοῦλη Σουφία ἀγγέλλει. Ὁ Πολεμιστὴς πάλιν ἐπὶ τῷ Δεσπότη. ἐρευνᾷ τὴν

ἀφανισαtionν τῆς Ἰννάνας. Ὁ Δεσπότης ὑποσύρει αὐτὸν κύκλῳ, ὥσπερ τὸν κριὸν ἐν τῇ ὑποταγῇ, ἀλλὰ οὐ δύναμαι ὁμολογήσαι ὅτι ὁ Πολεμιστῆς πιστεύει τοῖς λόγοις αὐτοῦ...»

Часть 2

Осада крепости

*Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.
Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И – кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.*

Н.С. Гумилев, «Сады души»

Пролог

Мардук Пьецух

Будильник затрезвонил. Мардук, как и каждое утро, просунул пальцы в злокозненное устройство, омрачающее утреннюю улицу Молитвенных Песнопений и атмосферу конкретно его, Мардука, жилища омерзительным звоном, вырвал оттуда гомункулуса и швырнул через всю спальню в дальний угол. Миниатюрный человечек с биллом, которым он молотил по встроенному в будильник медному гонгу, с ругательствами встал на ноги и пустился в долгий путь, что-

бы вечером вновь оказаться в своем священном механизме, немного вздремнуть и следующим утром отправиться в новый полет.

Далее Мардук с кряхтением встал, избавился от не первой свежести ночной сорочки, сделал несколько махов руками, обтерся прохладной водой (горячую опять отключили) и выглянул в окно. Городские улицы уже почти привели в порядок после недавних волнений черни. Солнце вставало над медно-золотыми, черепичными и асфальтового цвета крышами, огромное солнце Нью-Вавилона. Мардук с наслаждением вдохнул воздух раннего утра. Он обожал эту смесь запахов – мазут, мирра, корица от свежей выпечки, шафран, кровь, пот, сперма, дерьмо и, конечно же, тяжелый запах ила и речной грязи. Так пах его город. Он не понимал приятелей, постоянных корреспондентов городских каналов и изданий, которые приобрели шикарные виллы в предместьях – видимо, чтобы каждое утро дышать сеном и навозом. Как они могли жить без запаха Нью-Вавилона, его перегруженных, забитых повозками, паланкинами и автомобилями улиц, без его чадного неба, по ночам отражавшего всю ярость городских огней, все сияние храмовых семисвечников? Нет, это просто невозможно. Сам он провел в Нью-Вавилоне всю жизнь и собирался упокоиться здесь в семейном склепе, предварительно хорошенько обмазавшись кровью и медом.

Впрочем, это еще не скоро. Мардук посмотрелся в зер-

кало и остался доволен – крепкий еще, приятной упитанности мужчина лет сорока с сексуальной трехдневной щетиной (на самом деле у цирюльников уже неделю была забастовка, как раз из-за отсутствия горячей воды и страховки от гнева недовольных клиентов). На груди его, среди буйных зарослей – куда более пышных, чем на голове, потому что к тридцати годам журналист начал плешиветь, – болтался солнечный щит, символ его забытого божества.

По легенде, с которой до своих последних дней носились родители, их род происходил от самого верховного бога, и они были гражданами еще того, первого Вавилона. Чушь, конечно. Скорее, отдаленные предки Мардука двести лет прятались по бомбоубежищам, спасаясь от остаточной радиации, деградируя, рожая хилых, не видевших солнца детей, предаваясь каннибализму и совершая набеги на соседей. Журналиста забавляло то, что ядерную катастрофу связывали с исчезновением Астарота/Астарты – уж хотя бы новое человечество могло быть чуть сознательней и не переваливать свои грехи на демонов и богов, – а также и то, что все это непотребство их предшественников деликатно именовали зимой Фимбул. Самое подходящее название для техногенной катастрофы. Но так или иначе, все миновало, в том числе и период полураспада цезия, стронция и прочей радиоактивной дряни. Люди выползли из нор и вновь основали великий Город, город тысячи храмов, город ста языков.

Семья Пьецух зачем-то сохраняла верность Мардуку-бо-

жеству и даже совершала моления в его святилище, Эсагиле, расположенном в не самом благополучном районе Нью-Вавилона. Мардук помнил, что, когда они с матерью и младшим братом направлялись туда в детстве, для охраны приходаилось нанимать големов. Их вера считалась среди жрецов Великой Троицы сколь бессмысленной, столь и безобидной и не подлежала запрету и гонениям в отличие от, например, шаманизма. Всякий знал, что с духами животных, стихий и мест можно связаться и что у шаманов есть реальная сила в отличие от адептов Мертвых Богов.

Как только родители упокоились, молиться в храме и справлять ритуалы мардуккейства Пьецух-младший перестал, однако сохранил эту подвеску как память о матери. Сейчас он привычно сжал ее в кулаке – не то чтобы прося Мертвого Бога о помощи в своем деле, какая помощь с того, кого нет уже много тысячелетий? – а просто наудачу.

– Разнесу этого сутягу, как Мардук-покровитель Тиамат, – проворчал он себе под нос.

Позитивные аффирмации всегда его подбадривали.

Понюхав подмышки (не пахло, спасибо обтираниям), Мардук Пьецух слегка окропил себя эссенцией сандала для мужественной ауры и снял с зарядки кристалл памяти. Кристалл мягко засветился полным зарядом.

– Дядюшка Энлиль, – обратился к нему журналист, – дай мне пять крышесносных заголовков для сегодняшнего материала.

В кристалле действительно обитал дух его дяди. Старик раскошелился, возжелав эфирного бессмертия, однако не подозревал, что после его смерти племянник именно так будет распоряжаться доставшимся ему наследством.

– Отстань, Мара, дай поспать, – возмутился кристалл.

– Нет уж, давай поработай, а то оставляю без зарядки или вселю в собаку.

Кристалл, или дядя Энлиль, это уж как посмотреть, тяжело вздохнул и монотонно пробубнил:

1. «А кесарь-то поддельный!»;
2. «Двуликий демон, дух в изгнании»;
3. «Кто убил Астарота/Астарту?»;
4. «Зима Фимбул – факты и вымысел»;
5. «Возвращение блудного сына».

Мардук нахмурился. Дядюшка опять барахлил, пора отнести его к заклинателям для прочистки чакр.

– Какого сына? Я пишу о расследовании исчезновения Астарота/Астарты, да будет благословенно Его имя, и о подложных жертвоприношениях в Храме Ашшур. Сегодня я встречаюсь для интервью с обвинителем Синедриона, ведущим это дело. При чем тут сыновья?

Кристалл обиженно фыркнул.

– Молчи, олух. Я пообщался с тенью Психопомпа, пока стоял на зарядке. Он, конечно, полностью выжил из ума, но по-прежнему следит за новостями, и не только биржевыми. Так вот, приемный сынок Астарота/Астарты, да будет благо-

словенно его имя как ничье другое, вернулся и был замечен в Равнинном Храме. Так поведал Долию один заслуживающий доверия гуль, который кормится в окрестностях Храма трупами тех, кто не дотянул до его священных земель.

Мардук чуть не выронил дядюшку на выложенный красивой керамической, но весьма твердой плиткой пол. Тут-то бы Энлилю и конец, однако не это сейчас беспокоило журналиста. Крышесносная новость! Впрочем, в Синедрионе уже наверняка в курсе. Почему его агент в Низшей Службе ничего не выведal, а если выведal, почему не сообщил? Неприятно предстать перед старым, да еще и мертвым дядькой полный игноракусом.

Быстро закинув в рот остывшую за время разговора яичницу с пастроми – ну не мог он выскочить из дома голодным, – Мардук Пьецух сунул в «дипломат» чернильницу-самописку с пачкой папирусов, запасной кристалл, отполировал гнусный завтрак не менее гнусным кофе и бодро скатился по лестнице, вываливаясь в суету, звуки и запахи пробуждающегося города.

Глава 1

Тавнан-Гууд

Гураб Фальварк славился многими деяниями и определенными чертами характера, но абсолютно точно – не склонностью к самоанализу. И все же в последние дни он необычайно много копался в себе. Он пытался понять, почему так цепляется за свое клановое имя, имя Башни Ворона, из которой его с позором изгнали, а также почему его каждый раз передергивает при звуках имени прежнего. Отчасти эти раздумья были связаны и с Андрасом. Если в первый день, день молчаливого следования по ущелью, он еще сомневался, то сейчас был абсолютно уверен: тот, кто так легко, так позорно легко одолел их с Бальдром, обладает силой Андраса, воспоминаниями Андраса и даже отчасти его внешностью, хотя последнее имеет мало значения для богов и бессмертных. Он был похож, если сделать скидку на прошедшие почти двадцать столетий. И все же Вороньим Принцем он был в еще меньшей степени, чем Гураб Амротом.

Когда Гураб пытался воскресить в памяти образ давнего друга, побратима и неприятеля, первое, что приходило ему на ум, это цельность. Если Андрас ненавидел, то ненавидел всем сердцем. Если любил, то всей душой. Конечно, с годами подобная чистота чувств утрачивается и все становится серым и тусклым до последней, финальной серости вечного

пути, и все же что-то должно было остаться. Но не в этом случае. То существо, что захватило их с Бальдром и тащило с собой по горам и степям до самого человеческого города, как будто проглотило Андраса, переварило и выплюнуло остатки, завладев его умениями и его мечами. Довольно страшная мысль, если учесть, что речь идет о переваривании и поглощении князя Бездны. И как Гураб ни вертел в голове варианты, кто бы мог проделать подобный трюк, ему приходила в голову только одна и крайне неприятная мысль. Их пленитель был человеком.

Принцу Амроту Прекраснокудрому такая идея показалась бы невероятно смешной. Он ни во что не ставил смертных. Они появлялись и исчезали, как снег зимой, грязь весной и обильная зелень летом, были столь же недолговечны, столь же многочисленны и столь же неважны. Однако, пожив среди них больше восьми веков, Гураб проникся и уважением к ним, и завистью. Не было ничего такого – ничего во всех Семи Мирах, – чего не смог бы добиться смертный при должном желании и упорстве. Не было во вселенной никого циничней и никого добрее, никого благородней и никого подлее, щедрее и мизерней, чем смертные, – такими уж их сделал слишком короткий век. Причем все эти качества они ухитрялись совмещать в себе одновременно, что казалось ему самым противоестественным. Но человек, обретший демоническую силу и бессмертие... короткие волоски на затылке Гураба шевелились от одной мысли об этом.

Что он способен совершить? Чего не способен? Угадать было невозможно.

По пути он успел немного расспросить их четвертого спутника, лекаря. Тот оказался довольно податлив во всем, что не касалось его господина, однако полученная от него информация была так же далека от истины, как тантрические пляски от ритуалов друидов. По его словам, Тавнан-Гуд был жалким поселком, состоящим из саманных хижин и юрт, на задворках земной военной базы «Кари», а ждала их там сломленная и немолодая вдова. В реальности Тавнан-Гуд предстал перед ними не самым крупным, но разрастающимся городом с прямыми, четко расчерченными улицами, с плотной двух- и трехэтажной застройкой в кварталах черни и богатыми дворцами знати, дворцами из дерева и камня, с черепичными крышами, напоминавшими крыши пагод в восточном Цзи. Здесь даже были сады – ветви деревьев перевешивались через кирпичные и глиняные заборы, склоняясь под тяжестью богатого урожая персиков, абрикосов и хурмы. Город рассекали искусно проведенные ирригационные каналы, поэтому деревьям хватало влаги и среди засушливой степи.

Однако наибольшее изумление бывшего ассасина вызвала сама Ылдыз-наран. Она постоянно носила белое – цвет траура у местных. На вид ей было не больше тридцати пяти. Ее смуглое точеное лицо дышало силой и властью. Она жила во дворце, которым могли бы гордиться и некоторые императо-

ры древности, с обширным П-образным основным зданием и десятками пристроек, с садами и мастерскими, у нее было несколько сотен слуг, а в ее войске состояло больше десяти тысяч воинов. И она была совершенно не рада гостям.

Все это, конечно, Гураб узнал не на первый и не на второй день. Их пребывание в Тавнан-Гууде длилось больше недели, и поначалу он не понимал, что нужно человеку-Андрасу от этой женщины и почему их не прогоняют с ее двора плетью. Однако позже ему удалось подслушать некий разговор, частью которого он поделился с Бальдром, и картина постепенно начала складываться.

В первый день их не пожелали допустить во дворец. Красные ворота, охраняемые стражами в железных с чеканкой нагрудниках, с копьями и в церемониальных рогатых шлемах, остались закрытыми и тогда, когда Андрас велел передать, что явился с вестями о муже царицы Ылдыз, Айанчи Мунташи. И лишь когда с небес спикировал шонхор (так звали ручного птицеящера Андраса) и принялся ворошить клювом дорожную пыль перед дворцом, ворота распахнулись.

Царица приняла их тем же вечером. Приняла в высоком зале с резными колоннами, богато украшенном коврами. Ылдыз-наран, в белом с серебряным шитьем одеянии, сидела на черном с золотом троне, стоявшем на возвышении. В зале также присутствовала ее охрана и свита, фрейлины и длиннобородые советники в красивых узорчатых халатах с широкими рукавами.

– Вы пришли рассказать о моем муже, – произнесла она на чистейшем нижнеаккадском.

Лекарь вынул глаза. Андрас сложил руки перед грудью, как будто с детства обучался здешним придворным церемониям, и поклонился.

– Чтобы между нами не было недопонимания, – продолжила царица, – я хочу показать вам моего мужа.

Она сделала знак, и стражники ввели человека. Человек был бедно одет, худ, на подбородке его росла клочковатая бородка, и он явно боялся всего на свете, а больше всего сидящей на троне женщины. Когда его втолкнули в зал, он немедленно бухнулся на колени, отключив зад и уткнувшись лицом в пол.

Царица снова махнула рукой, и один из стражников схватил мужчину за волосы на затылке, заставил его поднять голову и смотреть на гостей их госпожи.

– О нем ли идет речь?

Андрас сделал к человеку несколько шагов, всмотрелся в его лицо, а затем задал ему вопрос на языке, в котором Гураб не сразу признал какой-то диалект мандаринского. Мужчина застыл, по-собачьи глядя в лицо демону, а потом лихорадочно закивал. Стражник при этом все еще держал его за волосы, так что мужчина вскрикнул от боли.

Затем Андрас обернулся к Ылдыз. Он не произнес ни слова, но женщина с прекрасным и презрительным лицом высоко вскинула брови, словно демон говорил с ней беззвуч-

но. После этого Андрас остался в зале, а всех остальных проводили в одну из пристроек, вдоволь снабдили пищей и даже новой чистой одеждой. Гураб остался в своем, потому что во внутренних карманах, швах и складках его *минтафа* пряталось очень много полезных вещей и приспособлений. Бальдр, чья одежда была загажена кровью и пылью, с радостью облачился в чистое и красивое одеяние, красный с золотым шитьем кафтан, красные же штаны и сапоги, и с усердием налег на еду и напитки, особенно местное хмельное из сквашенного кобыльего молока и из проростков пшеницы.

Они прожили в этой пристройке несколько дней, и Гураб не мог не подметить некоторые странности. Во-первых, ни во дворце, ни в городе – куда их свободно выпускали – не было храмов. Ни одного. Во-вторых, несмотря на явные признаки процветания, народ был угрюм. Даже в кварталах бедноты он не заметил привычных стаяк грязных полуголых детей, которые должны были носиться по улицам. Не видел ни молодых пар, ни стариков, сидящих у ворот и разговорами провожающих уходящий день, ни женщин, собирающихся у городских колодцев и судачащих о детях и о мужьях. На богатом местном рынке, где торговали и специями, и украшениями, и посудой, и упряжью, и тканями, и оружием, да чем только не торговали, не было ни привычного гомона толпы, ни громких криков торговцев, зазывающих к своим ларькам и палаткам, не было даже торга – все приходили, покупали нужное им и быстро уходили. Люди как будто прятались

по домам. Над всем Тавнан-Гуудом висело тяжелое предчувствие беды. Подумав, Гураб вспомнил, где уже видел такое – в колониях и в самом Нью-Вавилоне в мигрантских кварталах перед большими религиозными праздниками. Но там это было понятно – именно оттуда и поступал основной поток жертв в городские храмы. А здесь?

И наконец, тот примечательный разговор.

Он состоялся одним из душных вечеров в дворцовом саду. Гураб заметил на одной из дорожек светлое пятно и по манере двигаться, по наклону темноволосой головы сразу узнал царицу. Его почему-то потянуло взглянуть на нее. Он сам не понимал своего тайного восхищения этой женщиной. Он видел правительниц альвов, видел великих жриц Нью-Вавилона и даже богинь. Что особенного было в этой? Внутренняя сила? Благородная скорбь? Тяжесть, давившая на ее хрупкие плечи, давившая, но не сгибавшая стан? Он и сам не мог сказать.

Здесь цвели какие-то пахучие растения с серебристыми цветами, горевшими во тьме, словно фонарики. Впрочем, в саду были зажжены и настоящие красные и золотые фонарики, они длинными цепями висели вдоль дорожек. Сделав всего пару шагов, Гураб остановился, потому что понял, что царица не одна. Рядом с ней бесшумной тенью вышагивал человек-демон, неразличимый поначалу в сумерках из-за темного одеяния и из-за того, как он ловко сливался с неверными силуэтами ночного сада.

Демон говорил на местном наречии, которого ассасин не понимал, но на этот случай у него был кристалл памяти с духом-толмачом. Вставив кристалл в ухо, Гураб тоже слился с тенями, надеясь, что Андрас достаточно увлечен беседой – или не сочтет нужным ее скрывать.

– Значит, он обманул вас, – старательно перевел толмач.

Ылдыз-наран медленно подняла голову, и золотые искорки фонарей отразились в ее черных глазах.

– Кажется, на языке вашего народа это называется «двое-речием», – ответила она. – Он не обманул, но и не исполнил целиком обещанного. Айанчи взял с него клятву, что он поможет отбросить захватчиков из Тавнан-Гууда и обеспечит безопасность мне, нашему сыну и всему моему народу. Поначалу он так и сделал. Шонхоры подчинились ему. Вместе с ними мы вышвырнули землян из столицы, так что им пришлось довольствоваться базой в Эргале. Но мой муж, видимо, полагал, что Крылатый станет защищать нас и дальше. А они просто снялись одним утром и ушли. Стоило ли жертвовать собственным духом и вселять в свое тело чужака ради того, что произошло после этого?

Гураб напрягся. Жертвовать духом? Вселять чужака? Она о том жалком человеке в драном халате, который никак, ни в каком из миров не мог быть мужем этой гордой красавицы?

– Мунташи говорил, что так будет? Что его тело займет земной двойник?

– Он не знал. Он сам ни разу не проводил ритуал, и никто

из наших шан-гри не заходил так далеко, в Миры Смерти.

– И когда шонхоры ушли с Крылатым...

– Еще раньше. Земляне очень испугались, что их выбьют и из Эргала. Иначе я не могу объяснить того, что они сделали. Это отвратительно. Вся их вера отвратительна, но это было святотатственно, противоестественно...

Гураб уже начал догадываться, о чем речь. Говорят, такое случалось перед самой зимой Фимбул, а некоторые даже утверждают, что послужило ее причиной, равно с уходом Астарота/Астарты.

– Они призвали в наш мир, в колыбель Матери Кобылиц, демона во плоти. Его зовут барон Халфас. Я слышала, что его видели в образе быка с красной шкурой или человека с бычьей головой. Они поят его кровью, кормят сырым человеческим мясом и говорят, что он в свою очередь служит великому Бельфегору.

Тут Гураб сжал кулаки. Он боялся шевельнуться, чтобы не треснул сучок под ногой, не зашуршала листва, но при этом имени ему, как всегда, захотелось порвать кого-нибудь на куски, изрезать ножами-перьями. Он добрался бы и до демона... И все же какой идиот его призвал? Держать в реальности Мидгарда чистокровного барона Бездны, даже самого за худалого, почти невозможно, если не скормливать ему ежедневно десятки душ. Когда-то весь Дит превратился в смрадную помойку, а затем и в кладбище, из-за такого безумия...

– Когда шонхоры ушли, земляне, конечно же, атаковали, –

продолжила рассказ царица. – Мы сражались доблестно, но совершенно безнадежно.

– Ваш сын...

– Мы не будем об этом говорить, – резко вскинула голову она.

– Однако сейчас вы живете в мире.

– Если это можно так назвать.

Улыбка Ылдыз-наран стала холодной и горькой.

– Халфасу воздвигли великий храм с крышей из золота. Я знаю, потому что множество моих подданных умерли на его строительстве. И они не нападают, верно. Они берут дань...

– Двенадцать здоровых юношей и девушек ежегодно зимой, на праздник Баал-Акиту.

– Так было при моем отце, когда они еще не призвали демона. Но даже этому отец сопротивлялся, оттого его и убили. Теперь – круглый год, кого и сколько им захочется. И я молчу и терплю, меняя кровь своих подданных на спокойствие. Земляне даже помогли отстроить этот дворец и город после боев, вот какие они стали дружелюбные...

Подняв голову, она взглянула в лицо Андрасу. Они были почти одного роста, женщина народа йер-су и полудемон. Лицо царицы светилось в сумраке, как бледные венчики цветов в ее саду.

– Возможно, я ждала тебя, человек, говорящий в сердце. Возможно, я смертельно заблуждаюсь и ты приведешь мой народ к еще большим бедам.

– Твоего сына держат в заложниках? – не отвечая на ее слова, спросил он.

– Я ничего не слышала о моем сыне уже шесть лет.

– Опиши мне еще раз этого Крылатого.

– Он высок ростом, широкоплеч, красив. С темными волосами и глазами. Поначалу мы с мужем принимали его за обычного человека и не верили его посулам, даже когда он привел с собой шонхоров, но потом он развернул за спиной шесть золотых сияющих крыльев. Я подумала в тот миг, что никогда не видела подобного света и красоты и что он наверняка посланник самого Неба и не может солгать.

– Этот как раз может, – тихо, почти неслышно пробормотал Андрас, но толмач все же уловил его слова.

– Ты не знаешь, куда он увел шонхоров? Обратно в их дом, на их родную планету?

Ылдыз покачала головой:

– Я не знаю. Но Айанчи что-то говорил о мире под названием Сердолик. Он говорил, это не так далеко, рядом со звездой Лейтена, которую мы зовем Красная Смерть...

Демон встал как вкопанный, будто вместо «Сердолика» действительно услышал звон погребального колокола. Впрочем, он быстро с собой совладал.

– Сердолик – это даже хорошо, – проговорил он.

Ылдыз-наран пристально смотрела на него. Над планетой всходила одна из здешних лун, серебристая ладья в небесах, и сразу за ней карабкался вверх белый карлик Проциона II,

известного как Собачья Шерсть.

– Ты поможешь моему народу?

– Я обещал это твоему мужу. Твоему истинному мужу, конечно, а не вселенцу из Миров Смерти. Он просил меня об этом перед смертью, и я дал слово – так что, разумеется, помогу. Правда...

Тут он как-то нехорошо улыбнулся.

– Тебе может не понравиться то, как я это сделаю.

* * *

Позже той ночью Гураб распихал пьяного и громко храпящего Бальдра и выволок его из пристройки на воздух. Ему вовсе не хотелось, чтобы лекарь, верный слуга Андраса, подслушал их разговор.

– Шестикрылый серафим?

Бальдр зевал во всю пасть и моргал совой, словно заразился от своей любовницы-богини. Впрочем, проморгавшись, он нахмурился.

– Слушай, а я помню. Сам не видел, но девки-прислужницы судачили, что такой заходил к Громовержцу. В последний раз вроде недавно...

Он сунул пятерню в свои буйные кудри и потянул, как будто это помогало ему думать.

– Знаешь, ты прав. Они видели его ровно в тот же день, когда Паллада заявила ко мне с новостями о возвращении

Андраса. Ну, дела. Ты думаешь?..

– Пока ничего не думаю. Но собираюсь узнать.

Он уже хотел отвернуться и идти в дом, однако Одинсон, непривычно посерьезнев, ухватил его за рукав.

– Руку убери, – тихо предупредил Гураб.

– Давай без твоих ассасинских штучек, брат. Скажи мне – ты ведь тоже заметил, что он не Андрас?

«А ты не так глуп, как прикидываешься, братец», – промелькнуло у Гураба в голове.

– Скажем так, я заметил, что он не совсем тот Андрас, которого мы когда-то знали, – осторожно ответил он.

– Не юли. Все мы давно уже не те. Бледные тени Коцита, как сказали бы на моей новой родине. Только он даже не тень. Он вообще другой.

– Что из этого?

Бальдр уселся на невысокую деревянную ограду, украшенную красивой резьбой, как и почти все здесь. Странно, как изящные столбики и перила выдержали его вес. Его лицо освещали фонари, висящие на веранде, и выражение этого лица было почти таким же неприятным, как у ложного Андраса.

– Все мы лишь тени... – повторил он. – Думаешь, это боги и демоны снова мутят? Организовали с помощью крылатого прохиндея какого-то самозванца, ради чего – чтобы опять затеять войну? Но если он не настоящий Андрас, вряд ли его мечи сдвинут чаши весов.

Тут он снова дернул себя за волосы, а потом посмотрел прямо на Гураба.

– Или тебя беспокоит другое? Скажи, тем вечером у костра – ты, как и я, на секунду поверил, что Фрейя еще жива? Подумал, что вместе мы сможем вырвать ее из лап Бельфегора? А теперь выясняется, что этот парень охотится вовсе не на Бельфегора, а на какого-то Крылатого, и мы снова одни, и не видать нам Пламени Бездны, как своих ушей...

Гураб промолчал, хотя так все и было. Однако именно после этих слов Бальдра у него возникла одна идея.

Глава 2

Синедрион

В такси (за рулем сидел глиняный голем с глупой улыбкой) Мардук обнаружил, что весть о возвращении блудного сына Бездны была сегодня не самой крышесносной. В салоне машины работал вид-кристалл, транслирующий местную новостную программу. Нью-Вавилонская биржа открылась, как и обычно по будням, в семь утра, но уже к восьми торги прервались. Все котировки, чувствительные, как трепетная лань, рухнули из-за того, что какой-то придурок взорвал одну из цепи Благословенных Башен, охраняющих город и окрестности от Мертвых Земель.

– Dumkopf! Rotznase! – прокомментировал это голем. – Мать я его забором шатал!

У самого Пьещуха нашлись бы и более сочные характеристики на древнеаккадском, но тут они приехали.

– Так что, хозяин, будет война? – спросил на прощание голем, развернув к пассажирскому салону свою безглазую башку.

– А как же, всенепременно будет! – проорал Мардук, подхватил дипломат и выскочил из шайтан-арбы прямо на величественные мраморные ступени, ведущие к зданию Синедриона.

Настоящей войны не было уже пятьсот с лишним лет, с

тех пор, как был усмирен и приведен к Общественному Согласию город Дит, давний брат и противник Нью-Вавилона. Хотя какой там брат! Разве что вроде тех братьев, которые, укутившись маковой отравы, выносят из дома все подчистую, да еще вдобавок и насилуют твою жену. Если в Нью-Вавилоне возводили храмы Астароту/Астарте и его вечному сопернику-супругу Бельфегору, в Дите предпочитали молиться Мушиному Королю. Обычные кровавые жертвоприношения Истерналий и Баал-Акиту показались бы скромным ручейком по сравнению с тем, что творилось там. Жители Дита устраивали набеги на окрестные поселения, насиловали, распинали, жгли и убивали, предавались нечестивым оргиям с участием животных и даже (по слухам) мелких демонов, хотя это уже сильно вряд ли. Улицы его были вымощены трупами и нечистотами. Сам-то Мардук, конечно, не видел, но так говорили и писали в учебниках истории. После Согласия воины Нью-Вавилона спалили Дит до основания, а его бешеные обитатели разбежались по округе и (опять же по слухам) до сих пор плодились там, за охранным кругом Башен, и практиковали свои грязные ритуалы. Мардук в это не верил, потому что и дураку известно – в Мертвых Землях долго не протянешь. Но так или иначе, а новость все равно абсолютно ничего хорошего не сулила.

В центре обширного атриума под потолком вращался вид-кристалл, транслирующий все те же новости и котировки. Кристалл был многогранным, каждая грань показывала свой

канал, а звук был отключен. На одной из граней показали уволакиваемого городской стражей молодого человека, кажется, того самого утреннего подрывника. Он кричал, и, несмотря на молчащий экран, Мардук прочел по губам: «Прочь религиозных мракобесов! За науку! За просвещение!» Ага. Бей своих, чтобы чужие покрутили пальцем у виска.

В плане мирской роскоши Синедрион излишней скромностью не страдал. Здесь все было лучшим. Мрамор, благородное дерево, позолота и настоящее золото, богатые бархатные ризы, парадные хламиды, высокие шапки, украшенные драгоценными камнями, драгоценности на пальцах, блеск, блеск, блеск и мишура. Мардук Пьецух ненавидел Синедрион и одновременно был заворожен его показным величием. Организация, просуществовавшая столько тысячелетий, менявшая имя, структуру, назначение, умиравшая и воскресающая, как сам Вавилон, как само человечество. Сейчас они считались гражданской властью, хотя непринужденно вмешивались и в военные, и в храмовые дела. Вот как, например, в этом случае.

Налысо обритый послушник с ярко накрашенным лицом и в веселенькой красно-фиолетовой ризе проводил его в нужный кабинет. Хозяин явно был птицей большого полета, вознесшейся над городом споро и мощно, вплоть до личного балкона за богатыми витражными дверьми. Наверное, оттуда открывался шикарный вид, однако никто Пьецуха на бал-

кон не позвал, а указали ему на весьма скромный стул для посетителей, стоявший в самом конце длинного стола из полированного эбенового дерева. Сам хозяин восседал во главе стола, под непонятным и массивным золотым символом, напоминающим разбитый щит. Принадлежность символа Пьецух не опознал, но на всякий случай достал из дипломата кристалл памяти с мыслью запечатлеть кабинет. Обвинитель Синедриона яростно махнул рукой:

– Без снимков!

Пьецух пожал плечами и водрузил кристалл на стол.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Можете называть меня Марсием Ареопагитом, – неприязненно прокомментировал обвинитель. – Вас порекомендовал мне саган Набу Леви как человека дискретного. Так что уберите кристалл.

– Как пожелаете. В любом случае это интервью появится в одном из городских изданий.

– Не забудьте представить мне на вычитку перед тем, как понесете его продавать.

– Разумеется.

Обвинитель был человеком неприятным, а по внешности и не скажешь – открытое лицо, аккуратная бородка, благородные черты, хоть картину воинственных мужей древности с такого пиши. Лицо его, кстати, показалось Мардуку смутно знакомым, но откуда? Обвинитель вроде бы совсем недавно занял эту должность после скоропостижной смерти предше-

ственников.

– Итак, господин Ареопагит, как вы можете прокомментировать недавние события? – начал Мардук. – Бунт, вызванный народным возмущением против коррумпированных жрецов, практикующих подложные жертвоприношения? Не подскажите, каким именно образом собравшиеся на площади в тот вечер могли узнать об этих порочных практиках?

Обвинитель некоторое время смотрел на него, не говоря ни слова, а затем улыбнулся:

– Я думаю, нам следует прогуляться вниз, господин Пьецух. Но сначала отдайте мне кристалл.

Он протянул руку ладонью вверх. Рука воина с очень характерными мозолями, а никак не городского бюрократа.

«Что творится, что творится», – подумал Пьецух.

– Видите ли, в кристалле заключен дух моего дядюшки, и мне бы не хотелось...

Отделившийся от стены давнишний послушник поклонился Пьецуху и протянул ему деревянный резной ларец. На крышке были вырезаны некие, опять же неизвестные Мардуку, символы. Послушник открыл ларец, обнажив красную бархатную обивку.

– Вашему дяде будет тут чрезвычайно комфортно, – с нескрываемой издевкой произнес обвинитель.

Особых вариантов у Пьецуха не оставалось, так что он глубоко вздохнул и положил кристалл в ларец. Послушник

захлопнул крышку и вновь отступил к стене.

* * *

Потом они спускались по бесконечной винтовой лестнице, явно не парадной, а напротив, довольно грязной, плохо освещенной и холодной, несмотря на царившую снаружи уже почти майскую жару. По дороге вниз, как догадался Пьецух, к казематам, названным – еще один момент горькой иронии – в честь того же Энлиля, не дяди, конечно, а божества, обвинитель Синедриона почтил его беседой.

– Я слышал, ваше семейство поклоняется Мертвым Богам, – начал он.

Такого поворота Мардук точно не ожидал.

– Это не запрещено законом, почтенный...

– А я вас пока ни в чем и не обвиняю. Просто интересно. Вы наверняка общались и с другими... гм... адептами. Сколько их сейчас примерно в городе?

– М-м... не более десяти тысяч, полагаю.

– А можете объяснить...

Обвинитель, шедший первым, резко остановился, так что Мардук чуть не вписался в его широкую спину. Ареопagit обернулся к журналисту, глядя на него не снизу вверх – как ожидалось бы, исходя из конфигурации лестницы, – а почему-то сверху вниз. Пьецух подумал, что этот феномен надо запомнить и включить в интервью во вводную часть.

– ...какую пользу вы из этого извлекаете?

Пьецух задумался. Вообще интересный вопрос.

– Сложно сказать. Сам-то я давно не посещал Эсагиль. Но мне кажется, в этом есть что-то такое... прекрасно непрактичное. Вы не считаете, что население Земли погрязло в практицизме?

Ареопагит поднял бровь.

– О чем вы?

«О чем я? – лихорадочно подумал Пьецух. – И разве не я тут должен задавать вопросы?»

Вслух же он сказал:

– Больше девяноста процентов населения Земли являются демонопоклонниками. Это объяснимо, учитывая обстоятельства. Я, если что, о зиме Фимбул. Боги требовали искренней веры, а какая вера, когда нечего жрать и обгладываешь кости собственной матушки, сидя без воды и света в бункере? Демоны же требовали просто кровь. Практично. Быстро. Никаких духовных практик. Чик по запястью себе, а еще лучше по горлу какому-нибудь чужаку, и вот в жилище есть и свет, и тепло. Удобно. Веру же из себя не выдавишь в отличие от той же крови.

– Мы говорили о Мертвых Богах, – напомнил обвинитель, вновь начиная спуск.

– Да-да, о Мертвых Богах. Так вот, когда обстоятельства переменились, людям вновь захотелось верить во что-то более... непрактичное. Возвышенное. Я, разумеется, не гово-

рю, что астартизм или бельфегорейство не возвышенны, но все же... вы меня понимаете.

«Надеюсь, что понимает, а то как бы тебе самому не угодить в эти казематы». Впрочем, Синедрион все же был мирской организацией, и вряд ли идущий впереди него человек истово поклонялся Великой Троице или отдельным ее представителям.

– Но куда обратить эту веру? Не все могут перебраться на Марс. Шаманизм? Ужасно, грубо, похоже на скотоложство и преследуется нашими иерархами. Верить в науку?

«Ага, как тот малый на экране. Наверное, он очень верил в науку, по крайней мере в силу взрывчатки».

– Но наука тоже не возвышенна. Она требует доказательств. Это, по сути, вообще не вера, она похожа на демонологические практики – ты выполняешь определенный ритуал, и, если все сделал правильно, результат гарантирован. Нет особой разницы в том, чтобы перерезать горло заложнику, проливая кровь на алтарь, или тереть эбонитовую палочку, вырабатывая статическое электричество.

«О Великий Мардук, что я несу! Меня точно посадят и, возможно, будут пытаться».

Но уста его сами продолжали изрыгать бого- и демонохульства.

– И вот людям традиционным ничего не остается, кроме как верить в Мертвых Богов. В этом даже есть особая красота. Вера без малейшей корысти. Вера в то, что точно не

несет никакой практической пользы. Мне кажется – да я точно могу сказать на примере своих родителей, – что такая вера должна быть намного сильнее и крепче, чем в богов живых и дееспособных...

«Мне крышка».

Обвинитель снова остановился и развернулся к Мардуку, нависнув над ним... и громко расхохотался. Смех был настолько веселый и заразительный, что Мардук, вытирая выступивший на лбу пот, и сам начал хихикать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.